

Гавриил Державин

Стихотворения

Казань. Татарское книжное издательство. 2010

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)-5
ДЗ6

Составитель *Лилия Газизова*

Державин, Г.Р.

Стихотворения/Гавриил Державин ; сост. и авт. вступ. ст. Л.Р.Газизова. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2010. – 135 с.

ISBN 978-5-298-01957-6

В данное издание включены лучшие произведения выдающегося поэта XVIII века Г.Р.Державина (1743–1816), переводы его стихотворений на татарский язык и статьи, определяющие роль поэта в контексте литературы и культуры России и Татарстана.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)-5
ISBN 978-5-298-01957-6

© Татарское книжное издательство, 2010
© Газизова Л.Р., сост., 2010

Началась эпоха Державина...

Памятный для меня день – 14 июля 2003 года: прозрачный, солнечный. Ни единого облачка на ослепительно синем небе. Людское море разлилось на главной площади Лаишево. Со стороны Камы ощущается лёгкое дуновение ветерка. Ноздри щекожут ароматы цветущих садов. Гавриилу Романовичу Державину – 260 лет.

Торжественно сброшенное покрывало открывает бюст поэту. Ироничный взгляд его устремлён вдаль. Но, кажется, он благосклонно взирает на собравшихся и слушает выступления высоких гостей. И вот объявляют имя лауреата Литературной премии имени Гавриила Державина. Моё сердце от волнения готово выпрыгнуть из груди, хотя знаю заранее о церемонии предстоящего награждения...

«Бывший статс-секретарь при императрице Екатерине Второй, сенатор и коммерц-коллегии президент, потом при императоре Павле член Верховного совета и государственный казначей, а при императоре Александре министр юстиции, действительный тайный советник и разных орденов кавалер, Гавриил Державин родился в Казани от благородных родителей, в 1743 году июля 3 числа», – так начал поэт записки о своей жизни, по-современному – автобиографию.

Удивительно, что, подробно перечисляя все свои должности, звания и награды, Гавриил Романович не упомянул главного – своего поэтического творчества, за что мы, родившиеся спустя два столетия, не устаём воздавать ему почести.

Г.Р.Державин был активным участником событий эпохи, которая то поднимала его на вершины политического и литературного успехов, то опускала в годы опалы... Князь П.А.Вяземский заметил, что стихи Державина, «точно как Горациевы», могут при случае заменить записки из его века».

Детство поэта связано с Казанью. Научившись читать и писать от дьячков и пономарей, он три года прочился в Казанской гимназии, где слыл одним из лучших учеников. Здесь он овладел русской грамматикой и немецким языком, что позволило ему читать в подлинниках произведения зарубежных писателей. В гимназии юноша познакомился и с правилами стихосложения, установленными Михаилом Васильевичем Ломоносовым.

В девятнадцать лет Державин был отправлен в Петербург, где стал солдатом Преображенского полка. Здесь

он «ел хлеб с водой и марал стихи при слабом свете полушечной сальной свечки», пробуя создавать оды, подобные ломоносовским.

Вместе с полком в 1762 году Державин участвовал в дворцовом перевороте, возведшим на престол Екатерину II. На протяжении многих лет он связывал с императрицей большие надежды. После долгих лет службы он получил, наконец, офицерский чин. Но независимый в суждениях поэт вызывал неудовольствие высших чинов и, обойдённый наградами, был вынужден оставить военную службу. Долгие, порой унижительные прошения принесли ему в 1777 году 300 душ в Белоруссии и чин коллежского советника. В эти нелёгкие дни Державин создаёт оду «На смерть князя Мещерского», которая имеет черты лирической исповеди поэта:

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает...

В ранних стихах Державин подражал Ломоносову, но, сумев освободиться от его влияния, он не только нашёл свой поэтический голос, но и сумел создать свою Вселенную, совершив важные для дальнейшего развития русской литературы поэтические открытия. Самое главное – поэт сумел увидеть и донести до читателей прекрасное в обыденном.

Слава русского поэта пришла к Державину в 1783 году после появления знаменитой оды «Фелица», обращённой к Екатерине II. С этого времени современники Державина называют его Певцом Фелицы. Правда, наряду с прославлением царицы, «просвещённой матери отечества», он высмеивает её окружение. Царица, польщённая одой, сделала его личным секретарём.

Поэт быстро поднимался по служебной лестнице: служил в сенате, был губернатором Олонецкой (1784) и Тамбовской (1785) губерний. Державин стал первым министром юстиции России. Правда, продержался на этом посту менее года. Независимость характера и прямота суждений («горяч и в правде черт») приводили к тому, что поэт часто ссорился с начальством. Его отстраняли от постов, он даже побывал под судом. Правда, заглаживая свою несдержанность, Державин то и дело пишет лестные для Екатерины оды и стихи: «Видение мурзы», «Благодарность Фелице», «Изображение Фелицы»...

Государственную службу Державин считал главным делом своей жизни. Его волновала прежде всего судьба Отечества, а не карьера. Традиционно Державин воспринимается прежде всего как яркий представитель гражданской поэзии. Между тем, он стал одним из первых лирических поэтов России. Сборник «Анакреонтических песен», выпущенных в 1804 году, с полным правом можно назвать сборником лирики поэта. Следуя классической традиции, он многие свои стихотворные произведения по привычке называет одами. Но жизнь обычного человека с присущими ему духовными исканиями органично вошла в поэзию.

Творческое наследие Державина содержит будущие успехи русской поэзии, связанные с золотым и серебряным веками русской поэзии. Многие строчки Державина стали крылатыми выражениями: «Отечества и дым нам сладок и приятен...», «Жизнь есть небес мгновенный дар...», «Будь на троне человек...», «Живи, и жить давай другим...».

Он впервые в своей поэзии обращает внимание на бытовые подробности жизни человека. Первым он стал писать о человеке как о личности, у которого есть вполне земные привычки и страсти. И живёт этот человек не в абстрактном мире богов, а в реальном, где предметы не только осязаемы, но и имеют свои признаки:

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В графинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовоньи льются,
Плоды среди корзин смеются...

(«Приглашение к обеду»)

Пейзаж в поэзии Державина также не абстрактное понятие, он имеет конкретные очертания определённого места:

Алмазна сыплется гора
С высот четырьмя скалами,
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

(«Водопад»)

Державин запечатлел в своих стихах любимые места России: Казань, имение на Званке, водопад Кивач. Не случайно в стихотворении «Арфа» он восклицает:

О колыбель моих первоначальных дней!
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освещусь опять твоей зарей
И твой по-прежнему всегдашний буду житель?

В XX веке сбылась мечта нашего великого земляка.

В Национальном музее Республики Татарстан хранятся личные вещи Гавриила Державина. Среди них – арфа его жены и письменный стол. Кстати, стихотворение «Арфа» – одно из самых любимых и цитируемых в Казани. Как и многие казанцы, в школьные годы я побывала в музее на экскурсии, посвящённой Державину. Мы долго стояли у письменного стола поэта, внимательно слушая рассказ о его жизни.

Поэзия Державина знала и периоды забвения. Воздвигнутый в 1847 году в Казани памятник поэту по указу царя Николая I, через сто лет был разрушен и переплавлен на шарикоподшипники... Тогда же поэзия Державина была признана идеологически вредной и долгое время находилась в опале.

Поэзия Державина современна. Она и сегодня даёт немало пищи для ума нам, живущим в веке двадцать первом. Утверждаю это с полным правом человека, который продолжает находить в его стихах ответы на многие вопросы бытия. Нас волнуют те же проблемы, что и Державина и его современников.

Как обычно, 14 июля на родине поэта, в Лаишеве, состоятся Международные Державинские чтения, куда съедутся известные литературоведы и сотрудники литературных музеев. Впервые пройдёт Всероссийский Державинский фестиваль, где выступят известные поэты России и Татарстана. Будет торжественно объявлено имя нового лауреата Литературной премии имени Гавриила Державина. И, вторя шуму июльской листвы, будет звучать проникновенно и торжественно: «Как время катится в Казани золотое!»

*Лилия Газизова,
лауреат Литературной премии
имени Гавриила Державина, заслуженный деятель искусств
Республики Татарстан, руководитель секции
русской литературы и художественного перевода
Союза писателей Республики Татарстан*

Арфа

*Не в летний ль знойный день прохладный ветерок
В легчайшем сне на грудь мою приятно дует?
Не в злаке ли журчит хрустальный ручеек?
Иль милая в тени деревьев меня целует?*

*Нет! Арфу слышу я: ее волшебный звук,
На розах дремлющий, согласьем тихострунным
Как эхо мне вдали щекочет нежно слух
Иль шумом будит вдруг вблизи меня перунным.*

*Так ты, подруга муз! Лишь мне твой восторг
Под быстрою рукой играющей хариты,
Когда ее чело венчает вкуса бог
И улыбаются любовью ланиты.*

*Как весело внимать, когда с тобой она
Поет про родину, отечество драгое,
И возвещает мне, как там цветет весна,
Как время катится в Казани золотое!*

*О колыбель моих первоначальных дней!
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освещусь опять твоей зарей*

И твой по-прежнему всегдашний буду житель?

*Когда наследственны стада я буду зреть,
Вас, дубы камские, от времени почтенны!
По Волге между сел на парусах лететь
И гробы обнимать родителей свящанны?*

*Звучи, о арфа! ты все о Казани мне!
Звучи, как Павел в ней явился благодатен!
Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен.*

Разлука

Неизбежным уже роком
Расстаешься ты со мной,
Во стенании жестоком
Разлучаюсь я с тобой;
Обливаясь слезами,
Не могу тоски снести,
Не могу сказать словами,
Сердцем говорю: прости.
Белы руки, милы очи
Я целую у тебя.
Нету силы, нету мочи
Мне уехать от тебя.
Лобызая, обмирая,
Тебе душу отдаю
Иль из уст твоих желаю
Душу взять с собой твою.

Первая пол. 70-х гг.

Сонет

Красавица, не трать ты времени напрасно
И знай, что без любви все в свете суеты:
Жалей и не теряй прелестной красоты,
Чтоб после не тужить, что век прошел несчасно.

Любися в младости, доколе сердце страстно;
Как сей век пролетит, ты будешь уж не ты.
Плети себе венки, покуда есть цветы,
Гуляй в садах весной, а осенью ненастно.

Взгляни когда, взгляни на розовый цветок,
Тогда, когда уже завял ее листок:
И красота твоя подобно ей завянет.

Не трать своих ты дней, доколь ты не стара,

И знай, что на тебя никто тогда не взглянет,
Когда, как розы сей, пройдет твоя пора.

Первая пол. 70-х гг.

Пикники

Оставя беспокойство в граде
И всё, смущает что умы,
В простой приятельской прохладе
Свое проводим время мы.

Невинны красоты природы
По холмам, рощам, островам,
Кустарники, луга и воды –
Приятная забава нам.

Мы положили меж друзьями
Законы равенства хранить;
Богатством, властью и чинами
Себя отнюдь не возносить.

Но если весел кто, забавен,
Любезнее других тот нам;
А если скромн, благодравен,
Мы чтим того не по чинам.

Нас не касаются раздоры,
Обидам места не даем;
Но, души всех, сердца и взоры
Совокупя, веселье пьем.

У нас не стыдно и герою
Повиноваться красотам;
Всегда одной дышать войною
Прилично варварам, не нам.

У нас лишь для того собранье,
Чтоб в жизни сладость почерпать;
Любви и дружества желанье –
Между собой цветы срывать.

Кто ищет общества, согласья,
Приди повеселись у нас;
И то для человека счастье,
Когда один приятен час.

1776

Кружка

Краса пирующих друзей,
Забав и радостей подружка,

Предстань пред нас, предстань скорей,
Большая серебряная кружка!
Давно уж нам в тебя пора
Пивца налить
И пить.
Ура! ура! ура!

Ты дочь великого ковша,
Которым предки наши пили;
Веселье их была душа,
В пирах они счастливо жили.
И нам, как им, давно пора
Счастливым быть
И пить.
Ура! ура! ура!

Бывало, старики в вине
Свое всё потопляли горе,
Дрались храбро на войне:
Ведь пьяным по колени море!
Забыть и нам всю грусть пора,
Отважным быть
И пить.
Ура! ура! ура!

Бывало, дольше длился век,
Когда диет не наблюдали;
Был здоров и счастлив человек,
Как только пили да гуляли.
Давно гулять и нам пора,
Здоровым быть
И пить.
Ура! ура! ура!

Бывало, пляска, резвость, смех,
В хмелю друг друга обнимают;
Теперь наместо сих утех
Жеманством, лаской угощают.
Жеманство нам прогнать пора,
Но просто жить
И пить.
Ура! ура! ура!

В садах, бывало, средь прохлад
И жены с нами куликают,
А ныне клуб да маскарад
И жен уж с нами разлучают.
Французить нам престать пора,
Но Русь любить
И пить.
Ура! ура! ура!

Бывало – друга своего,
Теперь карманы посещают;

Где вист, да банк, да макао,
На деньги дружбу там меняют.
На карты нам плевать пора,
А скромно жить
И пить.
Ура! ура! ура!

О сладкий дружества союз,
С гренками пивом пенна кружка!
Где ты наш услаждаешь вкус,
Мила там, весела пирушка.
Пребудь ты к нам всегда добра:
Мы станем жить
И пить.
Ура! ура! ура!

1777

Правило жить

Утешь поклоном горделивца,
Уйми пощечиной сварливца,
Засаль подмазкой скрып ворот,
Заткни собаке хлебом рот, –
Я бьюся об заклад,
Что все четыре замолчат.

Ок. 1777

На смерть князя Мещерского

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает;
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет – и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет.

Ничто от роковых когтей,
Никая тварь не убегает;
Монарх и узник – снедь червей,
Гробница злость стихий снедает;
Зияет время славу стерть:
Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы;
Глокает царства алчна смерть.

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости всё смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,

И солнца ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

Не мнит лишь смертный умирать,
И быть себя он вечным чаёт;
Приходит смерть к нему, как тать,
И жизнь внезапно похищает.
Увы! где меньше страха нам,
Там может смерть постичь скорее;
Ее и громы не быстрее
Слетают к гордым вышина́м.

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерский! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился;
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? – Он там. – Где там? – Не знаем,
Мы только плачем и зываем:
«О, горе нам, рожденным в свет!»

Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали,
У всех там цепенеет кровь
И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики
И бледна смерть на всех глядит.

Глядит на всех – и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и серебре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.

Смерть, трепет естества и страх!
Мы – гордость с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра: где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Хаоса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,

Не столько я благополучен;
Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум.

Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье;
Богатств стяжание минет,
И в сердце всех страстей волненье
Прейдет, преидет в чреду свою.
Подите, счастья прочь возможны,
Вы все премежны здесь и ложны;
Я в двухвѣрах вечности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно, —
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

1779

Ключ

Источник шумный и прозрачный,
Текущий с горной высоты,
Луга поящий, доли злачны,
Кропящий перлами цветы,
О, коль ты мне приятен зришься!

Ты чист — и восхищаешь взоры,
Ты быстр — и утешаешь слух;
Как серна, скачуща на горы,
Так мой к тебе стремится дух,
Желаньем петь тебя горящий.

Когда в дуги твои серебристы
Глядится красная заря,
Какие пурпур огнисты
И розы пламенны, горя,
С паденьем вод твоих катяѣтся!

Гора, в день стадом покровенна,
Себя в тебе любясь зрит;
В твоих водах изображенна
Дуброву ветерок струит,
Волнует жатву золотую,

Багряным бег твой становиѣтся,
Как солнце катится с небес;
Лучом кристалл твой загорится,
В дали начнет синеться лес,
Туманов море разольется.

О! коль ночьюю темнотою

Приятен вид твой при луне,
Как бледны холмы над тобою
И рощи дремлют в тишине,
А ты один, шумя, сверкаешь!..

1779

Властителям и судиям

Восстал всевышний бог да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасти от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! видят – и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья:
Но вы, как я подобно, страстны
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли!

1780

Фелица

Богopodobная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоко гору,
Где роза без шипов растет,

Где добродетель обитает, —
Она мой дух и ум пленяет,
Подай найти ее совет.

Подай, Фелица! наставленья:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волнение
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мяжась житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.

Мурза́м твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

Не слишком любишь маскарады,
А в клоб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнаска не седлаешь,
К духа́м в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток;
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душою,
Полезных дней проводишь ток.

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преобращая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол серебром и золотом,
Где тысячи различных блюд;
Там славный окорок вестфальской,

Там звеня рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят;
Шампанским вафли запиваю, —
И всё на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.

Или средь рощицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,
При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дышит,
Где всё мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь,
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь.

Или великолепным цугом
В карете английской, златой,
С собакой, шутом или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к преме,не,
Имея шапку набекрене,
Лечу на резвом бегуне.

Или музыкой и певцами,
Органом и вольнкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, езжу на охоту
И забавляюсь лаем псов;
Или над невскими берегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки режемся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю,
За библией, зевая, сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,

Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой,
Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.

Нашел, – но лъзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;
Где нам ученые невежды.
Как мгла у путников, тмят вежды?
Везде соблазн и лесть живет;
Пашей всех роскошь угнетает. –
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растет?

Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Деля Хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить;
Из разногласия – согласие
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,
Ловя под парус ветр ревущий,
Умеет судном управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьем правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле, –
Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

Ты здраво о заслугах мыслишь.
Достойным воздаешь ты честь,
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плесть,
А что сия ума забава
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад:
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Слух ифдет о твоих поступках,

Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорят неложно,
Что будто навсегда возможно
Тебе и правду говорить.

Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело
О всём, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей зоилам
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.
О! коль счастливы человеки
Там до́лжны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирный,
Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!
Там можно пошептать в беседах
И, казни не боясь, в обедах
За здравие царей не пить.

Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить.
Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князья наседками не клохчут,
Любимцы въявь им не хохочут
И сажей не марают рож.

Ты ведаешь, Фелица! правы
И человеков и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновеньи
Ты пишешь в сказках поученьи
И Хлору в азбуке твердишь:
«Не делай ничего худого,
И самого сатира злого
Лжецом презренным сотворишь».

Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их пить.
Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов нужны ль средства,
Без них кто обойтися мог?
И славно ль быть тому тираном,
Великим в зверстве Тамерланом,
Кто благостью велик, как бог?

Фелицы слава – слава бога,
Который брани усмирил;
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.

Который даровал свободу
В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрешает
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить;

Которого закон, десница
Дают и милости и суд. –
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличен от честных плут?
Где старость поџ миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют? –
У трона разве твоего!

Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?
В Багдаде, Смирне, Кашемире?
Послушай, где ты ни живешь, –
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки иль бешметя
За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал.

Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицезренья наслажусь!
Небесные прошу я силы,
Да, их простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблестят.

1782

Видение мурзы

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал,
Кропя забвения росую,
Моих домашних усыплял;
Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих сверкал;
Природа, в тишину глубоку
И в крепком погруженна сне,
Мертва казалась слуху, оку
На высоте и в глубине;
Лишь веяли одни зефиры,
Прохладу чувством принося.
Я не спал, – и, со звоном лиры
Мой тихий голос соглася, –
Блажен, воспел я, кто доволен
В сем свете жребием своим,
Обилен, здоров, покоен, волен
И счастлив лишь собой самим;
Кто сердце чисто, совесть праву.
И твердый нрав хранит в свой век
И всю свою в том ставит славу,
Что он лишь добрый человек;
Что карлой он и великаном
И дивом света не рожден,
И что не создан истуканом
И оных чтить не принужден;
Что все сего блаженствы мира
Находит он в семье своей;
Что нежная его Пленира
И верных несколько друзей

С ним могут в час уединенный
Делить и скуку и труды!
Блажен и тот, кому царевны
Какой бы ни было орды
Из теремов своих янтарных
И серебро-розовых светлиц,
Как будто из улусов дальних,
Украдкой от придворных лиц,
За рассказы, за растабары,
За вирши иль за что-нибудь
Исподтишка драгие дары
И в досканцах червонцы шлют;
Блажен! – Но с речью сей незапно
Мое все зданье потряслось,
Раздвиглись стены, и стократно
Ярчее молний пролилось
Сиянье вокруг меня небесно;
Сокрылась, побледнев, луна.
Виденье я узрел чудесно:
Сошла со облаков жена, –
Сошла – и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.
Одежда белая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главе корона,
Сиял при персях пояс злат;
Из черно-огненна виссона,
Подобный радуге, наряд
С плеча десного полосою
Висел на левую бедру;
Простертой на алтарь рукою
На жертвенном она жару,
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню божеству.
Орел полуношный, огромный,
Сопутник молний торжеству,
Геройской провозвестник славы,
Сидя пред ней на груди книг,
Священны блюл ее уставы;
Потухший гром в когтях своих
И лавр с оливными ветвями
Держал, как будто бы уснув.
Сафиро-светлыми очами,
Как в гневе иль в жару, блеснув,
Богиня на меня воззрела.
Пребудет образ век во мне,
Она который впечатлела!
«Мурза! – она вещала мне. –
Ты быть себя счастливым чаешь,
Когда по дням и по ночам
На лире ты своей играешь
И песни лишь поешь царям.
Вострепещи, мурза несчастный!
И страшны истины внемли,
Которым стихотворцы страстны
Едва ли верят на земли;

Одно к тебе лишь доброхотство
Мне их открыть велит. Когда
Поэзия не сумасбродство,
Но высший дар богов, – тогда
Сей дар богов лишь к чести
И к поученью их путей
Быть должен обращен, – не к лести
И тленной похвале людей.
Владыки света люди те же,
В них страсти, хоть на них венцы;
Яд лести их вредит не реже,
А где поэты не льстецы?
И ты сирен поющих грому
В вред добродетели не строй;
Благотворителю прямому
В хвале нет нужды никакой.
Хранящий муж честные нравы,
Творяй свой долг, свои дела,
Царю приносит больше славы,
Чем всех пиитов похвала.
Оставь нектаром наполненну
Опасну чашу, где скрыт яд». Кого я зрю столь дерзновенну
И чьи уста меня разят?
Кто ты? Богиня или жрица? –
Мечту стоящу я спросил.
Она рекла мне: «Я Фелица»;
Рекла – и светлый облак скрыл
От глаз моих ненасыщенных
Божественны ее черты;
Курение мастик бесценных
Мой дом и место то цветы
Покрыли, где она явилась.
Мой бог! Мой ангел во плоти!..
Душа моя за ней стремилась;
Но я за ней не мог идти,
Подобно громом оглушенный,
Бесчувствен я, безгласен был.
Но, током слезным орошенный,
Пришел в себя и возгласил:
Возможно ль, кроткая царевна!
И ты к мурзе чтоб своему
Была сурова столь и гневна,
И стрелы к сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
К себе и ты не одобряла?
Довольно без тебя людей,
Довольно без тебя поэту
За каждую мысль, за каждый стих
Ответствовать лихому свету
И от сатир щититься злых!
Довольно золотых кумиров,
Без чувств моих что песни чли;
Довольно кадиев, факиров,
Которы в зависти сочли

Тебе их неприличной лестью;
Довольно нажил я врагов!
Иной отнес себе к бесчестию,
Что не дерут его усов;
Иному показалось больно,
Что он наседкой не сидит;
Иному – очень своевольно
С тобой мурза твой говорит;
Иной вменял мне в преступленье,
Что я посланницей с небес
Тебя быть мыслил в восхищенье
И лил в восторге токи слез.
И словом: тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов.
Но пусть им здесь докажет муза,
Что я не из числа льстецов;
Что сердца моего товаров
За деньги я не продаю
И что не из чужих анбаров
Тебе наряды я крою.
Но, венценосна добродетель!
Не лесть я пел и не мечты,
А то, чему весь мир свидетель!
Твои дела суть красоты.
Я пел, пою и петь их буду
И в шутках правду возвещу;
Татарски песни из-под спуду,
Как луч, потомству сообщу;
Как солнце, как луну поставлю
Твой образ будущим векам;
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой бессмертен буду сам.

1783–1784(?)

Философы, пьяный и трезвый

Пьяный

Сосед! на свете всё пустое
Богатство, слава и чины;
А если за добро прямое
Мечты быть могут почтены, –
То здраво и покойно жить,
С друзьями время проводить,
Красот любить, любимым быть
И с ними сладко есть и пить.

Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!

Трезвый

Сосед! на свете не пустое
Богатство, слава и чины;
Блаженство сыщем в них прямое,
Когда мы будем лишь умны,
Привыкнем прямо честь любить,
Умеренно, в довольстве жить,
По самой нужде есть и пить, —
То можем все счастливы быть.

Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

Пьяный

Гонялся я за звучной славой,
Встречал я смело ядры лбом;
Сей зверской упоен отравой,
Я был ужасным дураком.
Какая польза страшным быть,
Себя губить, других мертвить,
В убийстве время проводить?
Безумно на убой ходить.

Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!

Трезвый

Гоняться на войне за славой
И с ядрами встречаться лбом
Велит тому рассудок здравой,
Кто лишь рожден не дураком:
Царю, отечеству служить,
Чад, жен, родителей хранить,
Себя от плена оборонить —
Священна должность храбрым быть!

Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

Пьяный

Хотел я сделаться судьей,
Законы свято соблюдать, —
Увидел, что кривят душою,
Где должно сильных осуждать.
Какая польза так судить
Одних щадить, других казнить
И совестью своей шутить?
Смешно в тенета мух ловить.

Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!

Трезвый

Когда судьба тебе судьейю
В судах велела заседать, –
Вертеться ну́жды нет душою,
Когда не хочешь взяток брать.
Как можно так и сяк судить,
Законом правду тенетить
И подкупать себя пустить?
Судье злодеем страшно быть!

Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно;
Не пью, любезный мой сосед.

1789

Водопад

Алмазна сыплется гора
С высот четырема скалами,
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Шумит – и средь густого бора
Теряется вдали потом;
Луч через поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты, воды тихо льются,
Рекою млечною влекутся.

Седая пена по берегам
Лежит буграми в дебрях темных;
Стук слышен млатов по ветрам,
Визг пил и стон мехов подъемных;
О водопад! в твоём жерле
Все утопает в бездне, в мгле!

Ветрами ль сосны поражены? –
Ломаются в тебе куски;
Громами ль камни отторжены? –
Стираются тобой в пески;
Сковать ли воду льды дерзают? –
Как пыль стеклянна ниспадают.

Волк рыщет вокруг тебя и, страх
В ничто вмения, станови́тся;

Огонь горит в его глазах,
И шерсть на нем щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Он воет, согласясь с тобой.

Лань и́дет робко, чуть ступает,
Вняв вод твоих падающих рев,
Рога на спину приклоняет
И быстро мчится меж деревьев;
Ее страшит вокруг шум, бурь свист
И хрупкий под ногами лист.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, к тебе порой идет;
Крутую гриву, жарку морду
Подняв, храпит, ушми прядет
И, подстрекаем быв, бодрится,
Отважно в хлябь твою стремится.

Под наклоненным кедром вниз,
При страшной сей красе природы,
На утлом пне, который свис
С утеса гор на яры воды,
Я вижу – некий муж седой
Склонился на руку главой.

Копье и меч, и щит великой,
Стена отечества всего,
И шлем, обвитый повиликой,
Лежат во мху у ног его.
В броне блистая златордяной,
Как вечер во заре румяной, –

Сидит – и взор вперея к водам,
В глубокой думе рассуждает:
«Не жизнь ли человеков нам
Сей водопад изображает?
Он так же блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых.

Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздается,
Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость?»

.....
Сошла октябрьска ночь на землю,
На лоно мрачной тишины;
Нигде я ничего не внемлю,
Кроме ревуция волны,
О камни с высоты дробимой
И снежною горою зримой.

Пустыня, взор насупя свой,

Утесы и скалы дремали;
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробегали,
Из коих, трепетна, бледна,
Проглядывала вниз луна.
Глядела и едва блистала,
Пред старцем преклонив рога,
Как бы с почтеньем познавала
В нем своего того врага,
Которого она страшилась,
Кому вселенная дивилась.

Он спал – и чудотворный сон
Мечты ему являл геройских
Казалось ему, что он
Непобедимы водит войски;
Что вокруг его перун молчит,
Его лишь мановенья зрит;

Что огнедышащи за перстом
Ограды вслед его идут;
Что в поле гладком, вокруг отверстом,
По слову одному растут
Полки его из скрытых станов,
Как холмы в море из туманов.

.....
Он спит – и в сих мечтах веселых
Внимает завыванье псов,
Рев ветров, скрип дерев дебелих,
Стенанье филинов и сов,
И вещей глас вдали животных,
И тихий шорох вокруг бесплотных.

Он слышит: сокрушилась ель,
Станица вранов встрепетала,
Кремнистый холм дал страшну щель,
Гора с богатствами упала;
Грохочет эхо по горам,
Как гром гремящий по громам.

Он зрит одету в ризы черны
Крылату некую жену,
Власы имевшу распущенны.
Как смертну весть, или войну,
С косою в руках, с трубой стоящу,
И, слышит он – «проснись!» – гласящу.

На шлеме у нее орел
Сидел с перуном помраченным,
В нем герб отечества он зрел;
И, быв мечтой сей возбужденным,
Вздыхнул и, испустя слез дождь,
Вещал: «Знать, умер некий вождь!
Блажен, когда стремясь за славой,
Он пользу общую хранил,

Был милосерд в войне кровавой
И самых жизнь врагов щадил:
Благословен среди поздних веков
Да будет друг сей человек!

Благословенна похвала
Надгробная его да будет,
Когда всяк жизнь его, дела
По пользам только помнить будет;
Когда не блеск его прельщал
И славы ложной не искал!

О слава, слава в свете сильных!
Ты точно сей есть водопад.
Он вод стремлением обильных
И шумом льющихся прохлад
Великолепен, светл, прекрасен,
Чудесен, силен, громок, ясен;

Дивиться вкруг себя людей
Всегда толпами собирает;
Но если он водой своей
Удобно всех не напоет,
Коль рвет берега и в быстротах
Его нет выгод смертным, – ах!

Не лучше ль менее известным,
А более полезным быть;
Подобясь ручейкам прелестным,
Поля, луга, сады кропить
И тихим вдалеке журчаньем
Потомство привлекать с вниманьем?

Пусть на обросший дерном холм
Приидет путник и воссядет
И, наклонясь своим челом
На подписанье гроба, скажет;
Не только славный лишь войной,
Здесь скрыт великий муж душой.

О! будь бессмертен, витязь бранный,
Когда ты весь соблюл свой долг!» –
Вещал сединой муж венчанный
И, в небеса воззрев, умолк.
Умолк, – и глас его промчался,
Глас мудрый всюду раздавался.

.....
Услышьте ж, водопады мира!
О славой шумные главы!
Ваш светел меч, цветна порфира,
Коль правду возлюбили вы,
Когда имели только мету,
Чтоб счастье доставить свету.

Шуми, шуми, о водопад!

Касаясь страна́м воздушным,
Увеселяй и слух и взгляд
Твоим стремленьем, светлым, звучным,
И в поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

Живи! – и тучи пробегали
Чтоб редко по водам твоим,
В умах тебя не затмевали
Разжженный гром и черный дым;
Чтоб был вблизи, вдали любезен
Ты всем; сколь дивен, столь полезен.

И ты, о водопадов мать!
Река, на Севере гремяща,
О Суна! коль с высот блистать
Ты можешь – и, от зарь горяща,
Кипишь и сеешь дождем
Сафирным, пурпурным огнем, –

То тихое твое теченье,
Где ты сама себе равна,
Мила, быстра и не в стремленье,
И в глубине твоей ясна,
Важна без пены, без порыву,
Полна, вели́ка без разливу,

И без приме́са чуждых вод
Поя златые в нивах бреги,
Великолепный свой ты ход
Вливаешь в светлый сонм Онеги –
Какое зрелище очам!
Ты тут подобна небесам.

1791–1794

Бог

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движенье вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто всё собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: *бог*.

Измерить океан глубокий,
Сочечь пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий, –
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,

От света твоего рождены,
Исследовать судеб твоих:
Лишь мысль к тебе взнестись дерзает,
В твоём величье исчезает,
Как вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавший все единым словом,
В творенье простираясь новым,
Ты был, ты есть, ты будешь ввек!

Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от тебя рождаются;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под тобой.

Светил возжженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры
Перед тобой – как ночь пред днем.

Как капля, в море опущенна,
Вся твердь перед тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что пред тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров, – и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною;
А я перед тобой – ничто.

Ничто! – Но ты во мне сияешь
Величием твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.

Ничто! – Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чаает,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь – конечно, есть и ты!

Ты есть! – природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть – и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенный
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб – я червь – я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? – безвестен;
А сам собой я быть не мог.

Твое созданье я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! – в бессмертие твое.

Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Осень во время осады Очакова

Спустил седой Эол Борей
С цепей чугунных из пещер;
Ужасные крилеѣ расширя,
Махнул по свету богатырь;
Погнал стадами воздух синий,
Стустил туманы в облака,
Давнул – и облака расселись,
Пустился дождь и восшумел.

Уже румяна осень носит
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степям;
Шумящи красно-желты листья
Расстлались всюду по тропам.

В опушке заяц быстроногий,
Как колпик поседев, лежит;
Ловецки раздаются роги,
И выжлиц лай и гул гремит.
Запаслися крестьянин хлебом,
Ест добры щи и пиво пьет;
Обогащенный щедрым небом,
Блаженство дней своих поет.

Борей на осень хмурит брови
И зиму с севера зовет,
Идет седая чародейка,
Косматым машет рукавом;
И снег, и мраз, и иней сыплет,
И воды претворяет в льды;
От хладного ее дыханья
Природы взор оцепенел.

Наместо радуг испещренных
Висит по небу мгла вокруг,
А на коврах полей зеленых
Лежит рассыпан белый пух.
Пустыни сетуют и доли,
Голодны волки воют в них;
Древа стоят и холмы голы,
И не пасется стад при них.

Ушел олень на тундры мшисты,
И в логовище лег медведь;
По селам нимфы голосисты
Престали в хороводах петь;
Дымятся серым дымом дома,
Поспешно едет путник в путь,
Небесный Марс оставил громы
И лег в туманы отдохнуть.

Российский только Марс, Потемкин,
Не ужасается зимы:
По развевающим знаменам
Полков, водимых им, орел
Над древним царством Митридата
Летает и темнит луну;
Под звучным крил его мельканьем
То черн, то бледн, то рдян Эвксин.

Огонь, в волнах не угасимый,
Очаковские стены жрет,
Пред ними росс непобедимый
И в мраз зелены лавры жнет;
Седые бури презирает,
На льды, на рвы, на гром летит,
В водах и в пламе помышляет:
Или умрет, иль победит.

Мужайся, твердый росс и верный,
Еще победой возблистать!
Ты не наемник, сын усердный;
Твоя Екатерина мать,
Потемкин вождь, бог покровитель;
Твоя геройска грудь твой щит,
Честь мзда твоя, вселенна зритель,
Потомство плесками гремит.

Мужайтесь, росски Ахиллесы,
Богини северной сыны!
Хотя вы в Стикс не погружались,
Но вы бессмертны по делам.
На вас всех мысль, на вас всех взоры,
Держайте ваших вслед отцов!
И ты спеша скорей, Голицын!
Принести в твой дом с оливой лавр.

Твоя супруга златовласа,
Пленира сердцем и лицом,
Давно желанного ждет гласа,
Когда ты к ней приедешь в дом;
Когда с горячностью обнимешь
Ты семерых твоих сынов,
На мать нежны взоры вскинешь
И в радости не сыщешь слов.

Когда обильными речами
Потом восторг свой изъявишь,
Бесценными побед венцами
Твою супругу удивишь;
Геройские дела расскажешь
Ее ты дяди и отца,
И дух и ум его докажешь
И как к себе он влек сердца.

Спеша, супруг, к супруге верной,

Обрадуй ты, утешь ее;
Она задумчива, печальна,
В простой одежде и, волосы
Рассыпав по челу нестройно,
Сидит за столиком в софе;
И светло-голубые взоры
Ее всечасно слезы льют.

Она к тебе вседневно пишет:
Твердит то славу, то любовь,
То жалостью, то негой дышит,
То страх ее смущает кровь;
То дяде торжества желает,
То жаждет мужниной любви,
Мяется, борется, вещает:
Коль долг велит, ты лавры рви!

В чертоге вокруг ее безмолвном
Не смеют нимфы пошептать;
В восторге только музы томном
Осмелились сей стих бряцать.
Румяна осень! радость мира!
Умножь, умножь еще твой плод!
Приди, желанна весть! – и лира
Любовь и славу воспоет.

1881, 1 ноября

На взятие Измаила

Везувий пламя изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом вверх летит;
Краснеет понт, ревет гром ярый,
Ударам вслед звучат удары;
Дрожит земля, дождь искр течет;
Клокочут реки рдяной лавы, –
О росс! Таков твой образ славы,
Что зрел под Измаилом свет!..

Как воды, с гор весной в долину
Низвержась, пенятся, ревут,
Волнами, льдом трясут плотину,
К твердыням россы так текут.
Ничто им путь не воспрещает;
Смертей ли бледных полк встречает,
Иль ад скрежещет зевом к ним, –
Идут, как в тучах скрыты громы.
Как двигнуты безмолвны холмы;
Под ними стон, за ними дым.

Идут в молчании глубоком,
Во мрачной, страшной тишине,

Собой пренебрегают, роком;
Зарница только в вышине
По их оружию играет;
И только их душа сияет,
Когда на бой, на смерть идет.
Уж блещут молнии крылами,
Уж осыпаются громами;
Они молчат – идут вперед...

О! что за зрелище предстало!
О пагубный, о страшный час!
Злодейство что ни вымышляло,
Поверглось, россы, всё на вас!
Зрю камни, ядра, вар и бревны, –
Но чем герои уstraшены?
Чем может отражен быть росс?
Тот лезет по бревну на стену,
А тот летит с стены в геенну, –
Всяк Курций, Деций, Буароз!..

Представь последний день природы,
Что пролилася звезд река,
На огонь пошли стеною воды,
Бугры взвились за облака;
Что вихри тучи к тучам гнали,
Что мрак лишь молнии освещали,
Что гром потряс всемирну ось,
Что солнце, мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно:
Се вид, как вшел в Измаџил росс!..

О! ежели издревле миру
Побед славнейших звук гремит,
И если приступ славен к Тиру, –
К Измайлу больше знаменит.
Так был вселенной покоритель,
Машин и башен сам строитель.
Горой он море запрудил,
А здесь вождя одно веленье
Свершило храбрых россов рвенье;
Великий дух был вместо крыл...

Где есть народ в краях вселенны,
Кто б столько сил в себе имел:
Без помощи, от всех стесненный,
Ярем с себя низвергнуть смел
И, вырвав бы венцы лавровы,
Возверг на тех самих оковы,
Кто столько свету страшен был?
О росс! твоя лишь добродетель
Таких великих дел содетель;
Лишь твой орел луну затмил...

О кровь славян! Сын предков славных,
Несокрушаемый колосс!
Кому в величестве нет равных,
Возросший на полсвете росс!
Твои коль славны древни следы!
Громчай суть нынешни победы:
Зрю вокруг тебя лавровый лес;
Кавказ и Тавр ты преклоняешь,
Вселенной на средѹ ступаешь
И досягаешь до небес...

1791

Скромность

Тихий, милый ветерочек.
Коль порхнешь ты на любезну,
Как вздыханье ей в ушкоꝛ шепчи.
Если спросит: чье? – молчи.

Чистый, быстрый ручеечек.
Если встретишь ты любезну,
Как слезинка ей в лицо плещи.
Если спросит: чья? – молчи.

Ясный, ведренный денечек,
Как осветишь ты любезну,
Взглядов пламенных ей брось лучи.
Если спросит: чьи? – молчи.

Темный миртовый лесочек,
Как сокроешь ты любезну,
Тихо веткой грудь ей щекочи.
Если спросит: кто? – молчи.

1791

На птичку

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать её рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: пой, птичка, пой!

1792 или 1793

Амур и Псишея

Амуру вздумалось Псишею,
Резвяся, поймать,
Опутаться цветами с нею
И узел завязать.

Прекрасна пленница краснеет
И рвется от него,
А он как будто бы робеет
От случая сего.

Она зовет своих подружек,
Чтоб узел развязать,
И он – своих крылатых служек,
Чтоб по́мочь им подать.

Приятность, младость к ним стремятся
И им служить хотят;
Но узники не суетятся,
Как вкопанны стоят.

Ни крылышком Амур не тронет,
Ни луком, ни стрелой;
Псишея не бежит, не стонет, –
Свились, как лист с травой.

Так будь, чета, век нераздельна,
Согласием дыша:
Та цепь тверда, где сопряженна
С любовью душа.

1793

Храповицкому

Товарищ давний, вновь сосед,
Приятный, острый Храповицкой!
Ты умный мне даешь совет,
Чтобы владычице киргизской
Я песни пел
И лирой ей хвалы гремел.

Так, так, – за средственны стишки
Монисты, гривны, ожерелья,
Бесценны перстни, камешки‡
Я брал с нее бы за безделья,
И был – гудком –
Давно мурза с большим усом.

Но ежели наложен долг
Мне от судеб и вышня трона,
Чтоб не лучистый милый бог
С высот лазурна Геликона
Меня внушал,
Но я экстракты б сочинял;

Был чтец и пономарь Фемиды
И ей служил пред алтарем;
Как омофором от обиды
Одних покрыв, других мечом
Своим страшит

И счастье всем она дарит, —

То как Якобия оставить,
Которого весь мир теснит?
Как Логинова дать оправить,
Который золотом гремит?
Богов певец
Не будет никогда подлец.

Ты сам со временем осудишь
Меня за мглистый фимиам;
За правду ж чтить меня ты будешь,
Она любезна всем векам;
В ее венце
Светлее царское лице.

1793, лето

На смерть Екатерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня приключившуюся

Уж не ласточка сладкогласная
Домовитая со застрехи —
Ах! моя милая, прекрасная
Прочь отлетела, — с ней утечи.

Не сияние луны бледное
Светит из облака в страшной тьме —
Ах! лежит ее тело мертвое,
Как ангел светлый во крепком сне.

Роят псы землю, вокруг завывают,
Воет и ветер, воет и дом;
Мою милую не пробуждают;
Сердце мое сокрушает гром!

О ты, ласточка сизокрылая!
Ты возвратишься в дом мой весной;
Но ты, моя супруга милая,
Не увидишься век уж со мной.

Уж нет моего друга верного,
Уж нет моей доброй жены,
Уж нет товарища бесценного,
Ах, все они с ней погребены.

Все опустело! Как жизнь мне снести?
Зельная меня съела тоска.
Сердце, души половина, прости,
Скрыла тебя гробова† доска.

1794, июль

Ласточка

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь красно-бела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя, поешь,
Крыльшками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
В нем смелые круги даешь,
Иль стелешься долу, несешься,
Иль в небе простряся плывешь.
Ты часто во зеркале водном
Под рдяной играешь зарей,
На зыбком лазуре бездонном
Тенью мелькаешь твоей.
Ты часто, как молния, реешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успеешь
Невидимы видеть следы,
Но видишь там всю ты вселенну,
Как будто с высот на ковре:
Там башню, как жар позлащенну,
В чешуйчатом флот там серебре;
Там рощи в одежде зеленой,
Там нивы в венце золотом,
Там холм, синий лес отдаленный,
Там мошки толкутся столпом;
Там гнутся с утеса в понт воды,
Там ластьются струи к брегам.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лета роскошного храм,
Но видишь и бури ты черны
И осени скучной приход,
И прячешься в бездны подземны,
Хладея зимою, как лед.
Во мраке лежишь бездыханна, –
Но только лишь приѣдет весна
И роза вздохнет лишь румяна,
Встаешь ты от смертного сна;
Встанешь, откроешь зеницы
И новый луч жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.

Душа моя! гостья ты мира:
Не ты ли перната сия? –
Воспой же бессмертие, лира!
Восстану, восстану и я,
Восстану, – и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленира?

Соловей

На холме, сквозь зеленой рощи,
При блеске светлого ручья,
Под кровом тихой майской ночи
Вдали я слышу соловья.
По ветрам легким, благовонным
То свист его, то звон летит,
То, шумом заглушаем водным,
Вздыханьем сладостным томит.

Певец весенних дней пернатый,
Любви, свободы и утех!
Твой глас отрывный, перекаты
От грома к нежности, от нег
Ко плескам, трескам и перунам,
Средь поздних, ранних красных зарь,
Раздавшись неба по лазурям,
В безмолвие приводят тварь.

Молчит пустыня, изумленна,
И ловит гром твой жадный слух,
На крыльях эха раздробленна
Пленяет песнь твоя всех дух.
Тобой цветущий дол смеется,
Дремучий лес пускает гул;
Река бегущая чуть льется,
Стоящий холм чело нагнул.

И, свесясь со скалы кремнистой,
Густокудрява мрачна ель
Напев твой яркий, голосистой
И рассыпную звонку трель,
Как очарованна, внимает.
Не смеет двинуться луна
И свет свой слабо ниспускает;
Восторга мысль моя полна!

Какая громкость, живость, ясность
В созвучном пении твоём,
Стремительность, приятность, каткость
Между колен и перемен!
Ты щелкаешь, крутишь, поводишь,
Журчишь и стонешь в голосах;
В забвенье души ты приводишь
И отзываешься в сердцах.
О! если бы одну природу
С тобою взял я в образец,
Воспел богов, любовь, свободу, –
Какой бы славный был певец!
В моих бы песнях жар и сила
И чувства были вместо слов;
Картину, мысль и жизнь явила

Гармония моих стихов.

Тогда б, подобно Тимотею,
В шатре персидском я возлег
И сладкой лирою моею
Царево сердце двигать мог;
То вспламеня любовной страстью,
К Таисе бы его склонял;
То, возбуждая грозой, напастью,
Копье ему на брань вручал.

Тогда бы я между прудами
На мягку мураву воссел
И арфы с тихими струнами
Приятность сельской жизни пел;
Тогда бы нимфа мне внимала,
Боясь в зеркало вод взглянуть;
Сквозь дымку бы едва дышала
Ее высока, нежна грудь.

Иль храбрых россиян делами
Пленясь бы, духом возлетал,
Героев полк над облаками
В сиянье звезд я созерцал;
О! коль бы их воспел я сладко,
Гремя поэзией моей
Отважно, быстро, плавно, кратко,
Как ты, о дивный соловей!

1794

Вельможа

Не украшение одежд
Моя днесь муза прославляет,
Которое в очах невежд
Шутов в вельможи наряжает;
Не пышности я песнь пою;
Не истуканы за кристаллом,
В кивотах блещущи металлом,
Услышат похвалу мою.

Хочу достоинства я чтить,
Которые собою сами
Умели титулы заслужить
Похвальными себе делами;
Кого ни знатный род, ни сан,
Ни счастье не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себе почтенье от граждаѣн.

Кумир, поставленный в позор,
Несмысленную чернь прельщает;
Но коль художников в нем взор

Прямых красот не ощущает, —
Се образ ложных молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, без благодати душевной,
Не все ль, вельможи, таковы?

Не перлы перские на вас
И не бразильски звезды ясны, —
Для возлюбивших правду глаз
Лишь добродетели прекрасны,
Они суть смертных похвала.
Калигула! твой конь в Сенате
Не мог сиять, сияя в злате:
Сияют добрые дела.

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.
О! тщетно счастья рука,
Против естественного чина,
Безумца рядит в господина
Или в шумиху дурака,

Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться,
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.
Когда не сверг в боях, в судах,
В советах царских – сопостатов,
Всяк думает, что я Чупятов
В марокских лентах и звездах.

Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Петр, как некий бог,
Блистал величием в работе:
Почтен и в рубище герой!
Екатерина в низкой доле
И не на царском бы престоле
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла б ум надменный, —
Что наше благородство, честь,
Как не изящности душевны?
Я князь – коль мой сияет дух;
Владелец – коль страстьми владею;
Болярин – коль за всех болею,
Царю, закону, церкви друг.

Вельможу до́лжны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,

Что звание его священо,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть – польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапал!
К чему стремишь всех мыслей беги?
На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и неги?
Чтоб пурпур, злато всюду взор
В твоих чертогах восхищали,
Картины в зеркалах дышали,
Муся, мрамор и фарфор?

На то ль тебе пространный свет,
Простерши раболепны длани,
На прихотливый твой обед
Вкуснейших яств приносит дани,
Токай – густое льет вино,
Левант – с звездами кофе жирный,
Чтоб не хотел за труд, всемирный
Мгновенье бросить ты одно?

Там воды в просеках текут
И, с шумом вверх стремясь, сверкают;
Там розы средь зимы цветут
И в рощах нимфы воспевают
На то ль, чтобы на всё взирал
Ты оком мрачным, равнодушным,
Средь радостей казался скучным
И в пресыщении зевал?

Орел, по высоте паря,
Уж солнце зрит в лучах полдневных, –
Но твой чертог едва заря
Румянит сквозь завес червленных;
Едва по зыблющим грудям
С тобой лежащая цирцеи
Блистают розы и лилеи,
Ты с ней покойно спишь, – а там?

А там израненный герой,
Как лунь во бранях поседевший,
Начальник прежде бывший твой, –
В переднюю к тебе пришедший
Принять по службе твой приказ, –
Меж челядью твоей златою,
Поникнув лафровой главою,
Сидит и ждет тебя уж час!

А там – вдова стоит в сенях
И горьки слезы проливает,
С грудным младенцем на руках,
Покрова твоего желает.

За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
В тебе его зная прежде друга,
Пришла мольбу свою принести.

А там – на лестничный восход
Прибрел на костылях согбенный
Бесстрашный, старый воин тот,
Тремя медальми украшенный,
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти:
Он хочет руку ту простерти
Для хлеба от тебя куска.

А там, – где жирный пес лежит,
Гордится вратник галунами, –
Заимодавцев полк стоит,
К тебе пришедших за долгами.
Проснися, сибарит! Ты спишь
Иль только в сладкой неге дремлешь,
Несчастных голосу не внимлешь
И в развращенном сердце мнишь:

«Мне миг покоя моего
Приятней, чем в истории веки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей уметь пить реки,
Лишь ветром плыть, гнесть чернь ярмом
Стыд, совесть – слабых душ тревога!
Нет добродетели! нет бога!» –
Злодей, увы! – И грянул гром.
Блажен народ, который полн
Благочестивой веры к богу,
Хранит царев всегда закон,
Чтит нравы, добродетель строго
Наследным перлом жен, детей,
В единопдушии – блаженство,
Во правосудии – равенство,
Свободу – во узде страстей!

Блажен народ! – где царь главой,
Вельможи – здоровы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума
И сил у рук не отнимает,
Ей взор и ухо предлагает, –
Повелевает же сама.

Сим твердым у́злом естества
Коль царство лишь живет счастливым, –
Вельможи! – славы, торжества
Иных вам нет, как быть правдивым;
Как блюсть народ, царя любить,
О благе общем их стараться;
Змеей пред троном не сгибаться,

Стоять – и правду говорить.

О русский бодрственный народ,
Отечески хранящий нравы!
Когда расслаб весь смертных род,
Какой ты не причастен славы?
Каких в тебе вельможей нет? –
Тот храбрым был средь бранных звуков;
Здесь дал бесстрашный Долгоруков
Монарху грозному ответ.

И в наши вижу времена
Того я славного Камила,
Которого труды, война
И старость дух не утомила.
От грома звучных он побед
Сошел в шалаш свой равнодушно,
И от сохи опять послушно
Он в поле Марсовом живет.

Тебе, герой! желанный муж!
Не роскошью вельможа славный;
Кумир сердец, пленитель душ,
Вождь, лавром, маџслиной венчанный!
Я праведну здесь песнь воспел.
Ты ею славься, утешайся,
Борись вновь с бурями, мужайся,
Как юный возносись орел.

Пари – и с высоты твоей
По мракам смутного эфира
Громовой пролети струей
И, опочив на лоне мира,
Возвесели еще царя. –
Простри твой поздний блеск в народе,
Как отдает свой долг природе
Румяна вечера заря.

1794, ноябрь

Богине здравия

Здравья богиня благая,
Ввек ты со мною, Гигея, живи!
В дни живота моего
Мне ты сопутницей будь!
Если обилье осклабится смертным,
Если гордятся очи правовластным
Блеском богатства,
Если любви страстны желанья стремятся
К сладким утехам на лоно,
Если на отчи глаза
Слезы младенец нежны манит,
Ежели боги на нас с высоты
Дождь благодати кропят разнovidный,

Если спокойство отшельных,
Скромна нас жизнь веселит, —
Всякая радость с тобой благовонней цветет.
Если ж, богиня, ты отступаешь,
Благо с тобой всё уходит от нас.

1795

Приглашение к обеду

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В графинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовоньи льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вокруг ожидая;
Хозяйка статная, молодая
Готова руку протянуть.

Приди, мой благодетель давний,
Творец чрез двадцать лет добра!
Приди, — и дом, хоть не нарядный,
Без ре̑зьбы, злата и серебра,
Мой посети; его богатство —
Приятный только вкус, опрятство
И твердый мой, нельстивый нрав;
Приди от дел попрохладиться,
Поесть, попить, повеселиться
Без вредных здравию приправ.

Не чин, не случай и не знатность —
На русский мой простой обед
Я звал одну благоприятность;
А тот, кто делает мне вред,
Пирушки сей не будет зритель.
Ты, ангел мой, благотворитель!
Приди — и насладися благ;
А вражий дух да отженется,
Моих порогов не коснется
Ничей недоброхотный шаг!

Друзьям моим я посвящаю,
Друзьям и красоте сей день;
Достоинствам я цену знаю
И знаю то, что век наш тень;
Что лишь младенчество проводим, —
Уже ко старости приходим
И смерть к нам смотрит чрез забор;
Увы! — то как не умудриться
Хоть раз цветами не увиться
И не оставить мрачный взор?

Слышал, слышал я тайну эту,

Что иногда грустит и царь;
Ни ночь, ни день покоя нету,
Хотя им вся покорна тварь.
Хотя он громкой славой знатен,
Но, ах! – и трон всегда ль приятен
Тому, кто век свой в хлопотах?
Тут зрит обман, там зрят упадок:
Как бедный часовой тот жалок,
Который вечно на часах!

Итак, доколь еще ненастье
Не помрачает красных дней
И приголубливает счастье
И гладит нас рукой своей;
Доколе не пришли морозы,
В саду благоухают розы,
Мы поспешим их обонять.
Так? Будем жизнью наслаждаться
И тем, чем можем, утешаться,
По платью ноги протягать.

А если ты иль кто другие
Из званых милых мне гостей,
Чертоги предпочтя златые
И яствы сахарны царей,
Ко мне не срядитесь откушать, –
Извольте мой вы толк прослушать:
Блаженство не в лучах порфир,
Не в вкусе яств, не в неге слуха;
Но в здравье и спокойстве духа, –
Умеренность есть лучший пир.

1795

Памятник

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный;
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! – весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдёт обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрѣт кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай.

1795

Рождение красоты

Сотворя Зевес вселенну,
Звал богов всех на обед.
Вкруг нектара чашу пенну
Разносил им Ганимед;
Мед, амброзия блистала
В их устах, по лицам огонь,
Благовоний мгла летала,
И Олимп был света полн;
Раздавались песен хоры,
И звучал весельем пир;
Но внезапно как-то взоры
Опустил Зевес на мир
И, увидя царствы, грады,
Что погибли от боев,
Что богини мещут взгляды
На беднейших пастухов,
Распалился столько гневом,
Что, курчавой головой
Покачав, шатнул всем небом,
Адом, морем и землей.
Вмиг сокрылся блеск лазуря:
Тьма с бровей, огонь с очес,
Вихорь с риз его, и буря
Восшумела от небес;
Разразились всюду громы,
Мрак во пламени горел,
Яры волны – будто холмы,
Понт стремился и ревел;
В растворенны бездн утробы
Таргар искры извергал;
В тучи Феб, как в черны гробы,
Погруженный трепетал;
И средь страшной сей тревоги
Коль еще бы грянул гром, –
Мир, Олимп, богов чертоги
Повернулись бы вверх дном.
Но Зевес вдруг умилился:
Стало, знать, красавиц жаль;
А как с ними не смирился,
Новую тотчас создал:
Ввил в власы пески златые,
Пламя – в щеки и уста,
Небо – в очи голубые,
Пену – в грудь, – и Красота
Вмиг из волн морских родилась.

А взглянула лишь она,
Тотчас буря укротилась
И настала тишина.
Сизы, юные дельфины,
Обледея табуном,
На свои ее взяв спины,
Мчали по пучине волн.
Белы голуби станицей,
Где откуда ни взялись,
Под жемчужной колесницей
С ней на воздух поднялись
И, летя под облаками,
Вознесли на звездный холм;
Зевс обнял ее лучами
С улыбнувшимся лицом.
Боги молча удивлялись,
На Красу разинув рот,
И согласно в том признались:
Мир и брани – от красот.

1797

Желание

К богам земным сближаться
Ничуть я не ищущу,
И больше возвышаться
Никак я не хочу.

Души моей покою
Желаю только я:
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашенька моя!

1797

Возвращение весны

Возвращается Весна,
И хариты вокруг блистают,
Взоры смертных привлекают.
Где стоит, грядет она,
Воздух дышит ароматом,
Усмехается заря,
Чешутся реки златом;
Рощи, в зеркала смотря,
На ветвях своих качают
Теплы, легки ветерки;
Сильфы режвзятся, порхают,
Зелень всюду и цветки
Стелют по земле коврами;
Рыбы мечутся из вод;
Журавли, вьясь кругами
Сквозь небесный синий свод,
Как валторны возглашают;

Соловей гремит в кустах,
Звери прыгают, брыкают,
Глас их вторится в лесах.
Горстью пахарь дождь на нивы
Сеет вокруг себя златой,
Белы парусы игривы
Вздулись на море горой;
Вся природа торжествует,
Празднует Весны приход,
Всё играет, всё ликует, –
Нимфы! станьте в хоровод
И, в белейши снега ткани
Облаченны, изо льну,
Простирайте нежны длани,
Принимайте вы Весну,
А в цветах ее щедроты,
А в зефирах огонь сердцам.
С нею к вам летят эроты:
Без любви нельзя жить вам.

1797

Дар

«Вот, – сказал мне Аполлон, –
Я даю тебе ту лиру,
Коей нежный, звучный гон
Может быть приятен миру.

Пой вельможей и царей,
Коль захочешь быть им нравен;
Лирою чрез них ты сей
Можешь быть богат и славен.

Если ж пышность, сан, богатство
Не по склонностям твоим,
Пой любовь, покой, приятство:
Будешь красотой любим».

Взял я лиру и запел, –
Струны правду зазвучали;
Кто внимать мне захотел?
Лишь красавицы внимали.

Я доволен, света бог,
Даром сим твоим небесным.
Я богатым быть не мог,
Но я мил женам прелестным.

1797

К музе

Строй, муза, арфу золотую

И юную весну воспой:
Как нежною она рукой
На небо, море – голубую,
На доли и вершины гор
Зелену ризу надевает,
Вкруг ароматы разливает.
Всем осклабляет взор.

Смотри: как цепью птиц станицы
Летят под небом и трубят;
Как жаворонки вверх парят;
Как гусли тихи иль цевницы,
Звенят их гласы с облаков;
Как ключ шумит, свирель зовет
И между всех их пробегает
Свист громкий соловьев.

Смотри: в проталинах желтеют,
Как звезды, меж снегов цветы;
Как, распутившись, роз кусты
Смеются в люльках и алеют;
Сквозь мглу восходит знак челом,
Леса ветвями помагают,
По рдьяну вод стеклу мелькают
Вверх рыбы серебром.

Смотри: как солнце золотое
Днесь лучезарнее горит;
Небесное лицо глядит
На всех, веселое, младое;
И будто вся играет тварь,
Природа блещет, восклицает:
Или какой себя венчает
Короной мира царь?

1797

Параше

Белокурая Параша,
Сребро-розова лицом,
Коей мало в свете краше
Взором, сердцем и умом!

Ты, которой повторяет
Звучну арфу нежный глас,
Как Параша ударяет
В струны, утешая нас.

Встань, пойдем на луг широкой,
Мягкий, скатистый, к прудам;
Там под сенью древ далекой
Сядем, взглянем по струям:

Как, скользя по ним, сверкает
Луч от царских теремов,

Звезды, солнцы рассыпает
По теням между кустов.

Как за серебряной плотицей
Линь золотой по дну бежит;
За прекрасною девицей,
За тобой, Амур летит.

1798

К самому себе

Что мне, что мне суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если мир за то бранится,
Что иду прямой стезей?
Пусть другие работа́ют,
Много мудрых есть господ:
И себя не забывают
И царям сулят доход.
Но я тем коль бесполезен,
Что горяч и в правде черт, –
Музам, женщинам любезен
Может пылкий быть Эрот.
Стану ныне с ним водиться,
Сладко есть, и пить, и спать;
Лучше, лучше мне лениться,
Чем злодеев наживать.
Полно быть в делах горячим,
Буду лишь у правды гость;
Тонким сделаюсь подъячим,
Растворю пошире горсть.
Утром раза три в неделю
С милой музой порезвлюсь;
Там опять пойду в постелю
И с женою обоймусь.

1798

Венец бессмертия

Беседовал с Анакреоном
В приятном я недавно сне.
Под жарким, светлым небосклоном,
В тени он пальм явился мне.

Хариты вкруг его, эроты,
С братиною златою Вахх,
Вафиль прекрасный – в рощи, гроты
Ходили в розовых венках.

Он дев плясаньем забавлялся,
Тряхнув подчас сам сединой,
На белы груди любовался,

На взор метал их пламень свой.

Или, возлегши раменами
На мягки розы, отдыхал;
Огнистыми склонясь устами,
Из кубка мед златый вкушал.

Иль, сидя с юным другом нежным,
Потрепывал его рукой,
А взором вкруг себя прилежным
Искал красавицы какой.

Цари к себе его просили
Поесть, попить и погостить,
Таланты злата подносили,
Хотели с ним друзьями быть.

Но он покой, любовь, свободу
Чиnam, богатству предпочел;
Средь игр, веселий, хороводу
С красавицами век провел.

Беседовал, резвился с ними,
Шутил, пел песни и вздыхал
И шутками себе такими
Венец бессмертия снискал.

Посмейтесь, красоты российски,
Что я в мороз, у камелька,
Так вами, как певец Тиисский,
Дерзнул себе искать венка.

1798

Русские девушки

Зрел ли ты, певец Тиисский!
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
Как их лентами златыми
Челы белые блестят,
Под жемчу́гами драгими
Груди нежные дыша́т?
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?
Как их брови соболины,
Полный искр соколией взгляд,
Их усмешка, души лвыины
И орлов сердца разят?

Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

1799, весна

На переход Альпийских гор

Сквозь тучи вокруг лежащи, черны,
Твой горний кроючи полет,
Носящи страх нам, скорби зельны,
Ты грянул наконец! И, свет,
От молнии твоей горящий,
Сердца Альпийских гор потрясший,
Струей вселенну пролетел;
Через неприступны переправы
На высоте ты новой славы
Явился, северный орел!

О радость! Муза! дай мне лиру,
Да, вновь Суворова пою!
Как слышен гром за громом миру,
Да слышит всяк так песнь мою!
Побед его плененный слухом,
Лечу моим за ним я духом
Через доли, холмы и леса;
Зрю, близ меня зияют ады,
Над мной шумящи водопады,
Как бы склонились небеса.

Идет в веселии геройском
И тихим манием руки.
Повелевая сильным войском,
Сзывает вокруг себя полки,
«Друзья! – он говорит, – известно,
Что россам мужество совместно;
Но нет теперь надежды вам.
Кто вере, чести друг неложно,
Умреть иль победить здесь должно».
«Умрем!» – клик вторит по горам...

Ведет в пути непроходимом
По темным дебрям, по тропам,
Под заревом, от молнии зримом,
И по бегущим облакам;
День – ночь ему среди туманов,
Ночь – день от громовых пожаров;
Несется в бездну по вервям,
По камням лезет вверх из бездны,
Мосты ему – дубы зажженны,
Плывет по скачущим волнам.

Ведет под снегом, вихрем, градом,

Под ужасом природы всей;
Встречается спреди и рядом
На каждом шаге с тьмой смертей;
Отвсюду окружен врагами:
Водой, горами, небесами
И воинством противных сил.
Вблизи падут со треском холмы,
Вдали там гулы ропчут, громы,
Скрежещет бледный голод в тыл.

Ведет – и некая громада,
Гигант пред ним восстал в пути,
Главой небес, ногами ада
Касаяся, претит идти.
Со ребр его шумят вниз реки,
Пред ним мелькают дни и веки,
Как вкрут волнующийся пар;
Ничто его не потрясает,
Он гром и бури презирает –
Нахмурясь смотрит Сен-Готар...

Дадите ль веру вы, потомки,
Толь страшных одоленью сил?
Дела героев древних громки,
До волн средьземных доходил
Алкид и знак свой там поставил
На то, чтоб смертный труд оставил
И дале не дерзал бы взор, –
Но, сильный Геркулес Российский!
Тебе столпы его, знать, низки:
Шагаешь ты чрез цепи гор...

Возьми кто летопись вселенной,
Геройские дела читай,
Ценя их истиной священной,
С Суворовым соображай;
Ты зришь: тех слабость, сих пороки
Поколебали дух высокий, –
Но он из младости спешил
Ко доблести простерть лишь длани;
Куда ни послан был на брани,
Пришел, увидел, победил.

1799

На смерть графа Александра Васильевича Суворова – Рымникского, князя Италийского, в С.-Петербурге

О вечность! прекрати твоих шум вечных споров:
Кто превосходней всех героев в свете был?
В святилище твое от нас сей день вступил
Суворов.

1800

Снегирь

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снегирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью россиян все побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и богом,
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, снегирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! – что воевать?

1800, май

Тончию

Бессмертный Тончи! ты мое
Лицо в том, слышу, пишешь виде,
В каком бы мастерство твое
В Омире древнем, Аристиде,
Сократе и Катоне в век
Потомков поздних удивляло;
В седилах лысиной сияло,
И в нем бы зрелся человек,

Но лысина, или парик,
Но тога, иль мундир кургузый
Соделали, что ты велик?
Нет! философия и музы;
Они нас славными творят.
О! если б осенял дух правый
И освещал меня луч славы:
Пристал бы всякий мне наряд.

Так, живописец-философ!

Пиши меня в уборах чудных,
Как знаешь ты, но лишь любовь
Увековечь ко мне премудрых.
А если слабости самим
И величайшим людям сродны,
Не позабудь во мне подобны,
Чтоб зависть улыбалась им.

Иль нет: ты лучше напиши
Меня в натуре самой грубой:
В жестокий мраз с огнем души,
В косматой шапке, скутав шубой;
Чтоб шел, природой лишь водим,
Против погод, волн, гор кремнистых,
В знак, что рожден в странах я льдистых,
Что был прапращур мой Багрим.

Не испугай жены, друзей,
Придай мне нежности немного:
Чтоб был я ласков для детей,
Лишь в должности б судил всех строго;
Чтоб жар кипел в моей крови,
А очи мягкостью блистали;
Красотки бы по мне вздыхали,
Хоть в платонической любви.

1801, ноябрь

* * *

Враги нам лучшие друзья;
Они премудрости нас учат.
Но больше тех страшуся я,
Ласкательством меня кто мучат.

Между 1801 и 1816

Кузнечик

Счастлив, золотой кузнечик,
Что в лесу куешь один!
На цветочный сев лужочек,
Пьешь с них мед, как господин;
Всем любуясь на воле,
Воспеваешь век ты свой;
Взглянешь лишь на что ты в поле,
Всем доволен, всё с тобой.
Земледельцев по соседству
Не обидишь ты ничем;
Ни к чему не льнешь наследству,
Сам богат собою всем.
Песнопевец тёпла лета!
Аполлона нежный сын!
Честный обитатель света,
Всеми музами любим!

Вдохновенный, гласом звонким
На земле ты знаменит;
Чтут живые и потомки:
Ты философ! ты пиит!
Чист в душе своей, незлобен,
Удивление ты нам:
О, едва ли не подобен,
Мой кузнечик, ты богам!

1802

Шуточное желание

Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках, –
Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам дево́чкам
На моих сидеть ветвях.
Пусть сидели бы и пели,
Вили гнезды и свистели,
Выводили и птенцов;
Никогда б я не сгибался,
Вечно ими любовался,
Был счастливей всех сучков.

1802

Свобода

Теплой осени дыханье,
Помавание дубов,
Тихое листов шептанье,
Восклицанье голосов
Мне, лежащему в долине,
Наводили сладкий сон.

Видел я себя стоящим
На высоком вдруг холму,
На плоды вдали глядящим,
На шумящу близ волну;
И как будто в важном чине
Я носил на плечах холм.

Дальше: власти мне святые
Иго то велели несть,
Все венцы суля земные,
Титла, золото и честь.
«Нет! – восстав от сна глубока,
Я сказал им, – не хочу.

Не хочу моей свободы,
Совесь на мечты менять:
Гладки воды, коль погоды
Их не могут колебать.
Власть тогда моя высока,

Коль я власти не ищу».

1803, октябрь

Зима

Поэт

Что ты, Муза, так печальна,
Пригорюнившись сидишь?
Сквозь окошечка хрустальна,
Склоча волосы, глядишь;
Цитры, флейты и скрипицы
В белы руки не берешь;
Ни божественной Фелицы,
Ни Пленеры не поешь?

Муза

Что мне петь? – Ах! где хариты?
И друзей моих уж нет!
Львов, Хемницер в гробе скрыты,
За Днепром Капниџст живет,
Вельяминов, лир любитель,
Богатырь, певец в кругу,
Беззаботный света житель,
Согнут скорбями в дугу.

Поэт

Да! Фелицы нет, Пленеры,
Нет харит, и нет друзей:
Звук торжественных лиры
Посвятишь кому твоей?
Посвятишь ли в честь ты Хлору,
Иль Добраду в славе ты?
Труб у них не слышно хору,
Дни их тихи, как листы.

Муза

Тот сидит всегда за делом,
Та покоит вдов, сирот, –
В покрывале скромном, белом
Так зима готовит плод.
Не видать ее работы,
Не слышать ее машин;
Но по скуке зрятя льготы,
И земля цветет, как крин.

Поэт

Между тем к нам, Вельяминов,
Ты прийди хотя согбен,
Огнь разложим средь каминов,
Милых сердцу соберем

И под арфой тихогласной,
Наливая алый сок,
Воспоем наш хлад прекрасный:
Дай зиме здоровье бог!

1803–1804, зима

Лебедь

Необычайным я пареньем
От тленна мира отделюсь,
С душой бессмертною и пеньем,
Как лебедь, в воздух поднимусь.

В двойком образе нетленный,
Не задержусь в вратах мытарств;
Над завистью превознесенный,
Оставлю под собой блеск царств.

Да, так! Хоть родом я не славен
Но, будучи любимец муз,
Другим вельможам я не равен
И самой смертью предпочтусь.

Не заключит меня гробница,
Средь звезд не превращусь я в прах;
Но, будто некая цевница,
С небес раздамся в голосах.

И се уж кожа, зрю, перната
Вкруг стан обтягивает мой;
Пух на груди, спина крылата,
Лебязьей ло҃снось белизной.

Лечу, парю – и под собою
Моря, леса, мир вижу весь;
Как холм, он высится главою,
Чтобы услышать богу песнь.

С Курильских островов до Буга,
От Белых до Каспийских вод
Народы, света с полукруга,
Составившие россос род,

Со временем о мне узнают:
Славяне, гунны, скифы, чудь,
И все, что бранью днесь пылают,
Покажут перстом – и рекут:

«Вот тот летит, что, строя лиру,
Язы҃ком сердца говорил
И, проповедуя мир миру,
Себя всех счастьем веселил».

Прочь с пышным, славным погребеньем,
Друзья мои! Хор муз, не пой!
Супруга! облекись терпеньем!
Над мнимым мертвецом не вой.

1804

Цыганская пляска

Возьми, египтянка, гитару,
Ударь по струнам, восклицай;
Исполнясь сладострастна жару,
Твоей всех пляской восхищай.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Неистово, роскошно чувство,
Нерв трепет, мление любви,
Волшебное зараз искусство
Вакханок древних оживи.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Как ночь – с ланит сверкай зарями,
Как вихорь – прах плащом сметай,
Как птица – подлетай крылами
И в длани с визгом ударяй.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Под лесом нощию сосновым,
При блеске бледных луны,
Топоча по доскам гробовым,
Буди сон мертвой тишины.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Да вопль твой, эвоа! ужасный,
Вдали мешаясь с воем псов,
Лиет повсюду гулы страшны,
А сластолюбю – любовь.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Нет, стой, прелестница! довольно,
Муз скромных больше не страши,
Но плавно, важно, благородно,
Как русса дева, пропляши.
Жги души, огонь бросай в сердца
И в нежного певца.

1805, 10 января

На Багратиона

О, как велик На-поле-он!

Он хитр и быстр и тверд во брани;
Но дрогнул, как простер в бой длани
К нему с штыком Бог-рати-он.

1806

Облако

Из тонкой влаги и паров
Иshed невидимо, сгущенно,
Помалу, тихо вознесенно
Лучом над высотой холмов,
Отливом света осветяся,
По бездне голубой носяся,
Гордится облако собой,
Блистая солнца красотой.

Или прозрачностью сквозясь
И в разны виды пременяясь,
Рубином, златом испещряясь
И багряницею стелясь,
Струясь, собираясь в сизы тучи
И вдруг сходясь в холм плавучий,
Застенивает солнца зрак;
Забыв свой долг и благодарность,
Его любезну светозарность
Сокрыв от всех, наводит мрак.

Или не долго временщик
На светлой высоте бывает,
Но, вздувшись туком, исчезает
Скорей, чем сделался велик.
Под лучезнойной тяготою
Разорван молнии стрелою,
Обрушась, каплями падет, –
И уж его на небе нет!

Хотя ж он в чадах где своих,
Во мглах, в туманах возродится
И к выспренности вновь стремится;
Но редко достигает их:
Давленьем воздуха гнетомый
И влагой вниз своей влекомый,
На блаты, тундры опустясь,
Ложится в них, – и зрится грязь.

Не видим ли вельмож, царей
Живого здесь изображенья?
Одни – из-праха, из презренья
Пренизких возводя людей
На степени первейших санов,
Творят богов в них, истуканов,
Им вверя власть и скипетр свой;

Не видя, их что ослепляют,
Любезной доброты лишают,
Темня своею чернотой.

Другие – счастья быв рабы,
Его рукою вознесенны,
Сияньем ложным украшенны,
Страстей не выдержав борьбы,
И доблестей путь презря, правды,
Превесясь злом, как водопады
Падут стремглав на низ во мглах, –
Быв идолы – бывают прах.

Но добродетель красотой
Свою собственной сияет;
Пушай несчастье помрачает,
Светла она сама собой.
Как Антонины на престоле,
Так Эпиктеты и в неволе
Почтенны суть красой их душ.
Пушай чей злобой блеск затмится, –
Но днесь иль завтра прояснится
Бессмертной правды солнца луч.

О вы, имеющие богов
В руках всю власть и всю возможность,
В себе же смертного ничтожность,
Ввергающую бедствий в ров!
Цари! От вас ваш трон зависит
Унизить злом, добром возвысить;
Имейте вокруг себя людей,
Незлюбьем, мудростью младенцев;
Но бойтесь счастья возведенцев,
Ползущих пестрых вокруг вас змей.

И бы, наперсники царей,
Друзья, цветущи их красою.
Их пишуци жизнь, смерть рукою
Поверх земель, поверх морей!
Познайте: с вашим всем собором
Вы с тем равны лишь метеором,
Который блещет от зари;
А сами по себе – пары.

И ты, кто потерял красу
Наружну мрачной клеветою!
Зри мудрой, твердою душою:
Подобен мир сей колесу,
Се спица вниз и вверх вратится,
Се капля мглой иль тучей зрится, –
Так что ж снесаешься тоской?
В кругу творений обращаясь,
Той вниз, другую вверх вздымаясь, –
Умей и в прахе быть златой.

Евгению. Жизнь Званская

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных!

Зачем же в Петропо́ль на вольну ехать страсть,
С пространства в тесноту, с свободы за затворы,
Под бремя роскоши, богатств, сирен под власть
И пред вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что́ с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой мне нужен – дней в останке.

Восстав от сна, взвожу на небо скромный взор;
Мой утреннует дух правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудес, красот позор
Открыл мне в жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши в ней,
Чтоб черная змия мне сердце угрызала,
О! коль доволен я, оставил что людей
И честолюбия избег от жала!

Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос,
Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще;
Ищу красивых мест между лилей и роз,
Средь сада храм жезлом чертяще.

Иль, накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод, как выют под небом круги;
На разноперых птиц, поющих среди сетей,
На кроющих, как снегом, луги.

Пастушьего вблизи внимаю рога зов,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев,
Рев крав, гром жёлн и коней ржанье.

На кровле ж зазвенит как ласточка, – и пар
Повеет с дома мне манжурской иль левантской,
Иду за круглый стол; и тут-то раздобар
О снах, молве градской, крестьянской;
О славных подвигах великих тех мужей,
Чьи в рамах по стенам златых блистают лица,
Для вспоминанья их деяний, славных дней,

И для прикрас моей светлицы, –

В которой поутру иль ввечеру порой
Дивлюся в Вестнике, в газетах иль журналах
Россиян храбрости, как всяк из них герой,
Где есть Суворов в генералах!

В которой к госпоже, для похвалы гостей,
Приносят разные полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфеток, скатертей,
Ковров, и кружев, и вязани;

Где с скотен, пчельников и с птичников, прудов
То в масле, то в сотах зрю золото под ветвями,
То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов,
Сребро, трепещуще лещами;

В которой, обозрев больных в больнице, врач
Приходит доносить о их вреде, здоровье,
Прося на пищу им: тем с похлилкой калач,
А тем лекарствица в подспорье;

Где также иногда по палкам, по костям
Усатый староста иль скопидом брюхатый
Дают отчет казне, и хлебу, и вещам
С улыбкой часто плутоватой.

И где, случается, художники млады
Работы кажут их на древе, на холстине
И получают в дар подачи за труды,
А в час и денег по полтине;

И где до ужина, чтобы прогнать как сон,
В задоре иногда, в игры зело горячи,
Играем в карты мы, в ерошки, в фараон,
По грошу в долг и без отдачи.

Оттуда прихожу в святилище я муз,
И с Флакком, Пиендаром, богов восседши в пире,
К царям, к друзьям моим иль к небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лире;

Иль в зеркало времен, качая головой,
На страсти, на дела зрю древних, новых веков,
Не видя ничего, кроме любви одной
К себе, – и драки человеков.
«Все суета сует! – я, воздыхая, мню,
Но, бросив взор на блеск светила полудневна, –
О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бременю?
Творцом содержится вселенна.

Да будет на земли и в небесах его
Единого во всем вседействующа воля!
Он видит глубину всю сердца моего,
И строится моя им доля».

Дворо́вых, между тем, крестьянских рой детей
Сбираются ко мне не для какой науки,
А взять по нескольку баранок, кренделей,
Чтобы во мне не зрели буки.

Письмоводитель мой тут должен на моих
Бумагах ма́ранных, пастух как на овечках,
Репейник вычищать, – хоть мыслей нет больших,
Блестят и жучки в епанечках.

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол – и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором:

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь – икра, и с голубым пером
Там щука пестрая – прекрасны!

Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус;
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
А что опрятно всё и представляет Русь:
Припас домашний, свежий, здоровой.

Когда же мы донских и крымских кубки вин
И липца, воронка́ и чернопенна пива
Запустим несколько в румяный лоб хмелин, –
Беседа за сладкими шутива.

Но молча вдруг встаем: бьет, искрами горя,
Древ русских сладкий сок до подвенечных бревен:
За здравье с громом пьем любезного царя,
Цариц, царевичей, царевен.

Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток;
Там в шахматы, в шары иль и́з лука стрела́ми,
Пернатый к потолку лаптой мечу леток
И тешусь разными игра́ми.
Иль из кристальных вод, купален, между древ,
От солнца, от людей под скромным осененьем,
Там внемлю юношей, а здесь плесканье дев
С душевным неким восхищеньем.

Иль в стекла оптики картинные места.
Смотрю моих усадеб; на свитках грады, царства,
Моря, леса, – лежит вся мира красота
В глазах, искусств через коварства.

Иль в мрачном фонаре люблюсь, звезды зря,
Бегущи в тишине по синю волн стремленью:
Так солнцы в воздухе, я мню, текут, горя,
Премудрости ко прославленью.

Иль смотрим, как вода с плотины с ревом льет

И, движа маџшину, древаџ на доски делит;
Как сквозь чугунных пар столпов на воздух бьет,
Клокоча огонь, толчет и мелет.

Иль любопытны, как бумажны руны волн
В лотки сквозь игл, колес, подобно снегу, льются
В пушистых локонах, и тьмы вдруг веретен
Мариинной рукой прядутся.

Иль как на лен, на шелк цвет, пестрота и лоск,
Все прелести, красы берутся с поль царицы;
Сталь жесткая, глядим, как мягкий алый воск,
Куется в бердыши милицы.

И сельски ратники как, царства став щитом,
Бегут с стремлением в строй во рыцарском убранстве,
«За веру, за царя мы, – говорят, – попрем,
Чем у французов быть в подданстве».

Иль в лодке вдоль реки, по берегу пеш, верхом,
Качусь на дрожках я соседей с вереницей;
То рыбу удами, то дичь громим свинцом,
То зайцев ловим псов станицей.

Иль стоя внемлем шум зеленых, черных волн,
Как дерн бугрит соха, злак трав падет косами,
Серпами злато нив, – и, ароматов полн,
Порхает ветер меж нимф рядами.

Иль смотрим, как бежит под черной тучей тень
По копнам, по снопам, коврам желто-зеленым
И сходит солнышко на нижнюю степен
К холмам и рощам сине-темным.
Иль, утомясь, идем скирдов, дубов под сень;
На бреге Волхова разводим огонь дымистый;
Глядим, как наџ воду ложится красный день,
И пьем под небом чай душистый.

Забавно! в тьме челнов с сетьюми как рыбаки,
Ленивым строем плыв, страшат тварь влаги стуком:
Как парусы суда и ляжкой бурлаки
Влекут одним под песнью духом.

Прекрасно! тихие, отлогие брега
И редки холмики, селений мелких полны,
Как, полосаты их клоня поля, луга,
Стоят над током струй безмолвны.

Приятно! как вдали сверкает луч с косы
И эхо заџ лесом под мглой гамит народа,
Жнецов поющих, жниц полк иџдет с полосы,
Когда мы едем из похода.

Стекл заревом горит мои храмовидный дом,
На гору желтый всход меж роз осиявая,

Где встречу водовет, шумит лучей дождем,
Звучит музыка духовая.

Из жерл чугунных гром по праздникам ревет;
Под звездной молнией, под светлыми древами
Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет,
Поет и пляшет под гудками.

Но скучит как сия забава сельска нам,
Внутри дома тешимся столиц увеселеньем;
Велим талантами родных своих детей
Блистать: музыкой, пляской, пеньем.

Амурчиков, харит плетень, иль хоровод,
Заняв у Талии игру и Терпсихоры,
Цветочные венки пастух пастушке вьет,
А мы на них и пялим взоры.

Там с арфы звучныя порывный в души гром,
Здесь *тихогрома* с струн смягченны, плавны тоны
Бегут, – и в естестве согласия во всем
Дают нам чувствовать законы.

Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя столпов перильных,
При гусях пойд вечер, челом моих седин
Склонясь, ношусь в мечтах умильных;
Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетящи суть все времени мечтаны:
Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум
И всех зефиров повеваны.

Ах! где ж, ищу я вкруг, минувший красный день?
Победы слава где, лучи Екатерины?
Где Павловы дела? Сокрылось солнце, – тень!..
Кто весть и впредь полет орлиный?

Вид лета красного нам Александров век:
Он сердцем нежных лир удобен двигать струны;
Блаженствовал под ним в спокойстве человек,
Но мечет днесь и он перуны.

Умолкнут ли они? – Сие лишь знает тот,
Который к одному концу все правит сферы;
Он перстом их своим, как строй какой ведет,
Ко благу общему склоняя меры.

Он корни помыслов, он зрит полет всех мечт
И поглумляется безумству человек:
Тех освещает мрак, тех помрачает свет
И днешних и грядущих веков.

Грудь россов утвердил как стену он в отпор
Темиру новому под Пультуском, Прейсш-Лау;
Младых вождей расцвел победами там взор

С струн моих огонь летел,
Не собой блистал я – богом;
Вне себя я бога пел.
Если звуки посвящались
Лиры моя царям, –
Добродетельми казались
Мне они, равны богам.
Если за победы громки
Я венцы сплетал вождям, –
Думал перелить в потомки
Души их и их детям.
Если где вельможам властным
Смел я правду брякнуть вслух, –
Мнил быть сердцем беспристрастным
Им, царю, отчизне друг,
Если ж я и суетою
Сам был света обольщен, –
Признаюся, красотою
Быв плененным, пел и жен.
Словом: жег любви копь пламень,
Падал я, вставал в мой век,
Брось, мудрец! на гроб мой камень,
Если ты не человек.

1807

Царь-девица

Царь жила-была девица, –
Шепчет русска старина, –
Будто солнце светлолица,
Будто тихая весна.

Очи светлы голубые,
Брови черные дугой,
Огнь – уста, власы – златые,
Грудь – как лебедь белизной.

В жилках рук ее пуховых,
Как эфир, струилась кровь;
Между роз, зубов перловых
Усмехалась любовь.

Родилась она в сорочке
Самой счастливой порой,
Ни в полудни, ни в полночке, –
Алой утренней зарей.

Кочет хлопал на нашесте
Крыльями, крича сто раз:
«Северной звезды на свете
Нет прекрасней, как у нас»...

1812

Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества

...Муза! таинственный глагол
Оставь и возгреми трубою,
Как твердой грудью и душою
Росс ополчась на галла шел;
Как Запад с Севером сражался
И гром о громах ударялся,
И молнии с молниями секлись,
И небо и земля тряслись
На Бородинском поле страшном,
На Малоярославском, Красном.
Там штык с штыком, рой с роем пуль,
Ядро с ядром и бомба с бомбой,
Жужжа, свища, сшибались с злобой,
И меч, о меч звуча, слал гул;
Там всадники, как вихри бурны,
Темнили пылью свод лазурный;
Там бледна смерть с косою в руках,
Скрежещуща, в единый мах
Полки, как класы, посекала
И трупы по полям бросала.

Какая честь из рода в род
России, слава незабвенна,
Что ей избавлена вселенна
От новых Тамерлана орд!
Цари Европы и народы!
Как бурны вы стремились воды,
Чтоб поглотить край росс весь;
Но, буйные! Где сами днесь?..

О росс! о добльственный народ,
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славой звучный,
Изящностью своих доброт!
По мышцам ты неутомимый,
По духу ты непобедимый,
По сердцу прост, по чувству добр,
Ты в счастье тих, в несчастье бодр.

1812

* * *

Река времен в своем стремленье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

1816, 6 июля

ПЕРЕВОДЫ СТИХОВ ГАВРИИЛА ДЕРЖАВИНА НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

(перевод Рената Хариса)

Арфа

Жәйге эссе көннең жиләс жилеме ул
төшләремдә күкрәгемә рәхәт бирә?
Кыяктагы бәллүр чишмә тавышымы,
үбешүме колагыма чыңлап керә?

Юк ла! Арфа: аның тылсымлы тавышы
гөлчәчәкләр арасыннан күтәрелеп,
кайтавазлар булып назлы бик ерактан,
жан кылларын чиерттеп, аңа бәрелеп.

Син ул шулай, музаларның якын дусы,
Хаританың кыллар тарткан кулы аша
соклануларыңны безгә житкерәсен,
башың зәвык алиһәсенә тоташкан.

Күңелле лә синең белән бергәләшеп
тыңлау Ватан турындагы жыр тавышын,
чөнки ул жыр ишеттерә яз килүне
һәм Казанда алтын вакытлар агышын!

Аһ, ул минем тәүге көннәрем бишеге!
Саф чагымның, үсмер чакның изге өе!
Кайчан кабат таң нурында коенырмын
элеккечә улың булып сине сөеп?

Кайчан күзем күрер мирас көтүләрне,
Кама буендагы мәгърур имәннәрне?
Жилкән киереп, кайчан Иделдә йөзәрмен
һәм кочармын ата-бабам каберләрне?

Яңра, арфа, сөйлә Казаным хәлләрен!
Сөйлә, ничек безнең якка Павел кайтты!
Жанга рәхәт туган яктан яхшы хәбәр:
Ватанның бит төтене дә хуш һәм татлы.

Хөкемдарларга һәм судьяларга

Калыккан да тиңсез Аллах, хөкем итә
Дөньялыкның бихисап күп аллаларын;
Кайчангача, дип әйтә ул, кайчангача
Сез аярсыз яманнарны, усалларны?

Бурычыгыз сезнең: кануннарны саклау,
Көчлөлэрнең кемлегенә карамыйча,
Ятимнәрне һәм толларны беркайчан да
Ярдәмсез һәм яклаусыз һич калдырмыйча.

Бурычыгыз сезнең: бәлаләрдән йолу
Гаепсезне, бәхетсезгә терәк булу;
Көчлөләрдән көчсезләрне аралау һәм
Мескеннәрне богаулардан азат кылу.

Ишетмиләр! күрә торып төшенмиләр!
Бәбәкләрен ришвәт, бүләк томалаган.
Явызлыктар жирнең тәнен тетрәтәләр,
Ә күкләрнең эчен айкый-чайкый ялган.

Патшалар! Сөз Аллаһ кодрәтенә ия,
Сөзгә һичкем судья түгел сөздән элек.
Әмма сөз дә нәкъ минем кебек языклы,
Әмма сөз дә гүр иясе – минем кебек.

Сулган агач яфрактары өзәлгәндәй
Өзәлсез әле сөз дә, вакыт житкәч!
Иң әшәке колыгыз үлеп киткәндәй,
Үзәгез дә бер үләрсез ахыр чиктә!

Калкын, Аллаһ! Калкын, хаклылар Алласы!
Ишетә күр ялваруларын шуларның:
Хөкем ит һәм җәзала мәкерлеләрне
Һәм бердәнбер патшасы бул Жир шарының!

1780

Аллаһ

Йа Син – ирек-иркенлектә иксез-чиксез,
Матдәдәге хәрәкәттә жанлы-тере,
Вакыт агышында мәңге-бакый булган
Өч чырайлы, өчесе дә йөзсез Тәңре!
Һәркайда бар һәм бердәнбер рух-сәгадәт,
Сиңа кирәк түгел урын, һичбер сәбәп.
Асылыңа сиңең беркем төшенәлмәс,
Бар нәрсәне үзең белән тутыргансың,
Урагансың, нигезләгәнсең, коргансың,
Һәм исең телебездән төшми, Аллаһ!

Океаннар тирәнлеген үлчи алган,
Бармый алган комнар санын, нурлар көчен
Олуг акыл табылса да бу дөньяда,
Сан табылмас, Аллаһ, Сине үлчәр өчен.
Яктылыгың нурларыннан Синең туган,
Синең рухың белән мәгърифәтле булган
Син язганны беркем дә үзгәртәлмәс.
Уй-хыяллар гына, ашып Синең катка,
Бөеклеген тирәнлекләренә бата,

Мәңгелектә мизгел эрегәндәй, Аллах!

Вақыттан да элгәре булган хаосны
Мәңгелекнең төпкеленнән Син чакырттың.
Барыннан да алдан туган мәңгелекне
Син үзәңдә нигезләдең һәм бар иттең;
Үзең белән Син үзеңне төзеп кордың,
Үз нурыңнан үзең нурдай балкып тордың,
Яктылыкка чишмә булып иң-иң элек.
Тик сүз белән бар нәрсәне яралдырдың,
Һәр яңада Син үзеңне ижат кылдың,
Син бар идең, Син бар бүген, Син мәңгелек!

Сыйдыргансың Син тереклекнең чылбырын,
Асрап тәрбия итәсең өздермичә,
Башлау белән төгәлләүне ялгыйсың Син,
Яшәүгә үлем бирәсең сиздермичә.
Чәчри очкын, берсен берсе куа-куа,
Һәм кояшлар, шулай чәчрәп, Синнән туа;
Аяз, суык кышкы көндә бозланган кар,
Бәс тузаны ялтыр-йолтыр иткән сыман,
Чиксез күкнең чиксез тирән карасында
Жемелдәшә Синнән аста йолдызлыктар.

Миллионлаган якты жисем күкләр буйлап
Үлчәмсезлек агымында агып бара.
Алар Синең кануннарың хаклылыгын
Терек нурда коендыра һәм сугара.
Ләкин якты утлы шушы лампадалар,
Яки алсу кристаллардан хасил таулар,
Яки алтын дулкын чөйгән кайнар күбек,
Яки ургып-дөрләп янган төнге эфир,
Яки якты нурга чумган бар галәм, Жир
Синең яңа – көн каршында тик төн кебек.

Диңгезләргә тамган тамчы чаклы гына
Шушы каты катлам Синең алларыңда;
Һәм нәрсә ул мин күзәтә торган галәм?
Һәм мин үзем нәрсә инде Син барыңда?
Һава океаннарын мин яуласам да,
Дөньяларны миллионга тапкырласам да
Жөрһәт итмәм – чагыштырып карый алмам,
Чагыштыру мөмкин түгел Синең белән;
Бөтен нәрсә нокта гына, үзем беләм,
Мин дә бер юк нәрсә генә Синең алда.

Бер юк нәрсә! – Әмма миндә Син балкыйсың,
Игелегең бөеклеге агылгандай.
Миндә үзең үзеңне үк сурәтлисәң,
Бер тамчыда бөтен кояш чагылгандай.
Бер юк нәрсә! – Әмма мин тормышны тоям,
Һич туймыймын, һәм дә, канат какмый, кыям
Бер татырга күк гөмбәзенең тарлыгын.
Минем жаным-тәнем Сине шундый сөя,
Ул уйлана, ул төпченә, фикер чөя:
Мин – бар! Димәк, шиксез Синең дә барлыгың!

Син бар! дилэр табигатьтәге тәртипләр,
Йөрәгемнең һәр тибеше аңлата гел,
Раслый моны минем төпченгән акылым:
Син бар – һәм мин инде бер юк нәрсә түгел!
Мин бу бөтен бер галәмнең бер өлеше,
Һәм уйлыймын, Синең сайлау миңа төште –
Иң мөхтәрәм чик-ызанга мине куйдың.
Монда бетә, төгәлләнә жанварларың,
Һәм башлана шушында ук рух-жаннарың,
Һәм Син миннән бу чылбырга ялгау койдың.

Һәр төштә бар дөньяларга ялганыш мин,
Мин матдәнең иң житлеккән, биек очы;
Тормыш итү мәгънәсенң үзәге мин,
Илаһилык сыйфатлары башлангычы;
Тәнем чери, көлгә әверелә, бетә,
Ә акылым яшенгә идарә итә:
Мин патшамын – мин кол – мин корт –
 мин Аллахмын!
Әмма ләкин булсам да шундый мөгжиза,
Ничек бар булдым? дип уйлап чигәм иза;
Үзлегемнән булалмадым һәм алмамын.

Синең ижат жимешен мин, Бар итүчөм,
Синең акыл, Синең кодрәт йөзөк кашы,
И Яшәүләр чыганагы, Игелеклем,
Жаным жаны һәм дә аның Падишасы!
Синең хакны хаклар өчен кирәк булган
Чиксез үлем төпсезлеген кичә алган
Минем үлемсез яшәеш-үзлегем дә;
Рухым фанилык киеме кисен өчен,
Үлем аша кичеп, янә килсен өчен,
Атакаем, Синең үлемсезлегеңә.

Аңлату да, төшенү дә мөмкин түгел!
Мин беләмен жаным ничек теләгәнне –
Әмма ул да күз алдына китералмас
Һәм сурәтле алмас хәтта күлгәңне;
Ләкин Сине данларга кирәк чакларда
Һәм моңа без фаниларның хақы барда,
Моны эшләр өчен әмәл һич юк түгел:
Безгә кала Синең катка юл аласы,
Аермабыз арасында югаласы
Һәм рәхмәтле күз яшьләре кою-түгү.

1784

Кошчыкка

Бер сайрар кошны тоттылар,
Учларына кыстылар.
Чәрелди кошчык, ә аны
«Сайра!» диеп кыстыйлар.

1792 яки 1793

Һәйкәл

Мин үземә шундый һәйкәл куйдым – гүзәл, бакый,
Металлдан да ныграк, пирамидадан да биек;
Давыллар да, яшеннәр дә сугып ега алмый,
Вақыт агышы да һәләк итмәс аны, тиеп.

Шулай! – бөтенләем белән үлмәм, зур өлешем,
Фанилыктан бакыйлыкка качып, яшәп калыр анда,
Һәм даным да, сулу-кибүләр белән килешми,
Артыр, славяннар токымын галәм санлаганда.

Минем хакта хәбәр Ак сулардан Карасына,
Идел, Нева, Дон, Уралга кадәр барып житәр;
Шундагы сан-исәпсез халыклар арасында
Мин билгесезне менә нәрсә билгеле итәр:

Фелицаның игелекләрен әйтеп салырга,
Аллаһ турында сөйләшергә ачылып китеп,
Һәм елмаеп патшаларга турысын ярырга
Уйнак рус телендә беренче мин жөрҗәт иттем.

Йа Муза! хаклы казанышың белән горурлан,
Кем санлашмый синең белән, син дә аны чит күр;
Тәкәллефсез, ашыкмаучан ныклы кулың белән
Маңгаеңа үлемсезлек таңын тажың иттер.

1795

Лилага

Румянцевка, Суворовка
дан жырларга теләдем;
лирам кылларыннан шаңдау
ялкын-уттай гүләде.
Көнчел язмыш Румянцевны
гасыр артына илтте;
Суворов, гади бәндәдәй,
караңгылыкка китте.
Нәрсә, аларга рәхәтлек
бирерме синең мактау?
Онытылмаслар үлемсез
эшләре исән чакта.
Андый тавышлар кирәкмәс,
кылларны янә жайлыык:
жыр өчен батырны түгел,
ә мөхәббәтне сайлыык.

1797, ноябрь

Тончига

Үлемсез Тончи! Ишетәмен, син ниет
Кылгансын сурәтләргә минем затымны,
Борынгы Гомер йә батыр Аристидны,
Гакыллы Сократны йә кырыс Катонны
Сурәтләгән олы осталыгың белән
Килер буыннарны шаккатырмакчысың;
Чал чәч һәм пеләш балкышы аркылы
Кеше үзе күренеп торырлык булсын.

Пеләш булумы, әллә парик йөртүме,
Әллә тога, әллә кыска, тар мундирмы
Сине бөеккә эверелдерүчеләр?
Нич юк! Фәлсәфәң һәм музаларың жыры;
Шулар безне шулай данлыклы кылалар.
А! Әгәр дә хаклык рухы торса тиеп
Һәм яктырта калса мине дан нурлары,
Бик килешер иде миңа һәрбер киём.

Шулай, фәлсәфәче рәссам! Сурәтемне
Төрле сәер киёмнәрдә ясап ал бер,
Белгәнәңчә: ләкин гакыл ияләре
Мәхәббәтлелеген дә беркетеп калдыр.
Бөекләргә әгәр кайбер йомшаклыклар
Хас булсалар, син шуларны да эндәшми-
Нитми миндә чагылдырырга онытма,
Аларга да елмайсын әле көнләшү.

Юк, син мине тупас табигыйлегемдә
Бик һәйбәтләп кенә сурәтләргә тиеш:
Зәмһәрирдә жанына ялкын-ут капкан,
Йонлач бүрек һәм жылы тун кигән килеш;
Табигатьнең әмеренә ияртелеп,
Жил-давыллар жиңеп, тауга менә барыйм,
Һәм күренсен бозлы якта туганлыгым,
Ерак бабам булганлыгы морза Бәгърем.

Хатынымны, дус-ишләремне куркытма,
Мине берәз мөлаем итсәң дә ярый:
Балаларны назга төрим, тик вазифам
Үтәгәндә мин кырыс карар чыгарыйм.
Каным минем дөрләгән утган кайнасын,
Күз нурларым йомшак булсын, сынмасыннар;
Платоник сөюдән генә булса да
Чибәркәйләр миңа карап уфтансыннар.

1801, ноябрь

Шук теләк

Әгәр сөйкемле кызлар
Очсалар мисле кошлар
Һәм кунсалар ботакка, –
мин ботак булыр идем,

меңлэгэн кыз-кыркынны
шунда кундырыр идем.
Утырып жырласыннар,
жайлы оя корсыннар,
балалар чыгарсыннар;
мин һич бөгелмәс идем,
һәм булыр идем шулчак
мин иң бәхетле ботак.

1802

Аңлашу

Изге бәндәгә салынып
һәм күпертеп күлмәгем,
философ битлеге киеп,
мин кылана белмәдем;
эчкерсезләрне яраттым,
шуларга ошыйм дидем,
йөрәге, аңы кешенең
булды минем даһиём.
Утлар сирпелде кылымнан,
балкысам сокланудан:
бу – Аллаһ нуры, ә тыштан
жырладым Аллаһка дан.
Патшаларга багышланса
лирам моңнары әгәр,
игелектә Аллаһка тиң
булып күренде алар.
Жиңүче юлбашчыларга
такыя үрсәм бүләккә –
алар жанын буыннарға
күчерергә теләктән.
Әгәр түрәләр колагын
ярсам дәрәслек белән –
илгә, патшага, аларга
дус буласы килүдән.
Әгәр үзем дә бирелсәм
дөнья мәшәкатенә,
яшермим: хатын-кызларга
кол булу рәхәтеннән.
Кыскасы: сөю ялкыны
һәр гасырда да хәтәр.
Таш бәр, хәким, каберемә,
кеше булмасаң әгәр.

1807

* * *

Вақыт дәрәясы үзенең агымында¹
Алып китә инсан эшләренең барын
Һәм батыра онытылу чоңгылында

Патшалар, патшалыклар һәм халыкларны.

Әгәр дә ки ни дә булса кала калса,
Трубалар һәм лиралар тавышы аша
Аларны да мәңгелекнең зур авызы
Чәйнәп йотар һәм дә булмас язмыш башка.

1816, 6 июль

ДАВЫЛ

Каегым диңгездә кайный –
Кара дулкыннар эчендә;
Ян-якта чал таулар шаулый...
Таянам өмет көченә.

Кем ул болытлар ялкынын
Сүндерүче баш очыннан?
Кем кулы ул каегымны
Яшерде таш ышыгына?

Син, Дөньяны яратучы!
Бөртег чәчем дә башымнан
Синсез төшми. Син коткардың
Бу һәлакәт ялгышыннан!

Гомеремне озайттың син,
Рухым синең алда ачык;
Түрәләр рәтенә керттең,
Калканым бул һәм юлбашчым.

МӘХӘББӘТ ИГЪЛАНЫ

Табигать тәмам йокыда,
ә минем гыйшкым уяу;
синең тыныңны ишетә,
күз нурын сиңа коя.

Сүзләремә син колак сал
һәм уйлан ялгыз чакта;
күз нурларыңда коендыр,
назың белән кочакла.

Үзең үзең җавап тап,
фикерең миңа житкер;
ике жан кушылудан да
зуррак соклану юктыр!

Шул хозурлыкны күзалла,
шуны татырга ашык;
алиһәләргә тиңләшә
дөньяда ике гашыйк.

Всемилага

Нинди аңлашылмаган көч,
иңеп күзең, телеңнән,
буйсындыра, и, Всемила?
Син патша күңелемә.

Дөньяга гүзәллек хаким,
йөрәкләр аңа – тәхет.
Патшалар аңа баш ия,
акыллыга ул – бәхет.

Бөекләр тормышын кара,
аңларга шуны тырыш:
батырлыклары сәбәбе –
назга сусау-омтылыш!

Ник ельйсың, и, гүзәл зат,
чишмә итеп күзеңне? –
Патшалар һәм патшалыклар
кулында ич үзеңне!

«Барысы да хыял!» диеп,
яшең ага ургылып...
Сафлык белән көчле бары
хатын-кыз матурлыгы.

Поэтическое наследие Г.Р.Державина в контексте современной литературы Республики Татарстан

Жизнь и творчество Г.Р.Державина тесно связаны с Казанью, с Лаишевским районом, где он родился и вырос. Однако до сих пор остаётся вне поля зрения исследователей проблема взаимоотношений Г.Р.Державина с татарской поэзией. Несомненно, что поэт с детства слышал татарскую речь, общался с татарами. В ряде стихотворений, создавая колоритный образ мурзы, он обыгрывает историческое предание о далёком предке – золотоордынском мурзе Багриме (Ибрагиме) («Фелица», «Видение мурзы», «Благодарность Фелице»). В стихотворении «Тончию» Г.Р.Державин пишет: *«...В знак, что рожден в странах я льдистых, / Что был прапрацур мой Багрим»*. В «Благодарности Фелице» заявляет: *«Твои дела суть красоты / Я пел, пою и петь я буду, / И в шутках правду возведу, / Татарски песни из-под спуду, / Как луч, потомству сообщу...»*. В архиве Г.Р.Державина сохранился любопытный документ, свидетельствующий об интересе поэта к фольклору и письменному наследию татар. Это тексты песен любовного содержания, записанные кириллицей, сопровождаемые подстрочным переводом на русский язык («Песни светские», «Испрошение заступления», «Песня Бухарская» и др.). Исследователи Х.Ю.Миннегулов, Ш.А.Садретдинов называют предполагаемого автора татарских текстов – поэта Габдессаляма бин Урай (1700 – после 1763), известного деятеля Оренбургского края (ахуна, педагога, ученика Батырши) [Х.Ю.Миннегулов 2010, Ш.А.Садретдинов 1993]. Хотя они не нашли явного отражения в творчестве Г.Р.Державина, на наш взгляд, татарские песни помогли поэту при овладении восточным стилем од, воспевающих Фелицу. В стихотворении «Арфа» он создал образ Казани как колыбели поэта, идеала, к которому он стремился.

Татарские критики и поэты не баловали своим вниманием Г.Р.Державина. Впервые в татарской публицистике имя поэта упоминается в статье Фатиха Карими (псевдоним – «Каләм») об истории русской литературы в первом номере журнала «Шура» за 1908 год. Автор статьи заявил о своём желании познакомить татарских читателей с творчеством выдающихся русских писателей и поэтов, в том числе с

М.В.Ломоносовым и Г.Р.Державиным. Однако замысел автора не был осуществлён. Появление этих публикаций вполне закономерно и обусловлено переходом татарской литературы к новому типу культуры. Нам не удалось обнаружить переводов стихотворений Г.Р.Державина на татарский язык начала XX века. Следовательно, с его произведениями могли знакомиться только татарские писатели, владевшие русским языком, которых во второй половине XIX века было крайне мало. Это в большей степени снимает вопрос о прямом влиянии поэзии Г.Р.Державина и других поэтов XVIII века на татарскую литературу XIX века. Однако изучение творчества татарских поэтов-просветителей и поэзии русских классицистов позволяет выявить типологическое сходство, основанное на близости просветительской идеологии, а также определить сходные закономерности в развитии эстетического сознания и в формировании новых литературных жанров. Проблема типологического сходства поэзии Г.Р.Державина и творчества поэтов-просветителей требует кропотливого текстуального анализа, на уровне формы и содержания. Оригинальный взгляд на личность и творчество Г.Р.Державина через призму татарского литературного и исторического контекста представляет профессор КГУ Х.Ю.Миннегулов в статье «Его гений думал по-татарски». Исследователь называет Г.Р.Державина «одним из блестящих представителей обрусевших инородцев... татар» [Х.Ю.Миннегулов 2010:168]. Исследователь отмечает определённый интерес Г.Р.Державина к татарской поэзии, который отразился в использовании поэтом татарских легенд и преданий при создании либретто оперы «Грозный, или Покорение Казани» (1814), в драматическом сочинении «Добрыня», а также в оде «Стихи о Суюмбеке». Х.Ю.Миннегулов намечает дальнейшее направление в изучении творчества Г.Р.Державина в контексте татарской и восточной литератур – выявление типологических, генетико-сходных моментов с татарской литературой средневековья и классикой арабско-персидско-тюркского мира.

Интерес к личности и поэзии Г.Р.Державина возрос в связи с юбилеями поэта, широко отмеченными в Республике Татарстан. Вызвали широкий резонанс научно-практические конференции, проведённые на базе КГУ («Г.Р.Державин: личность, творчество, современное восприятие», 1993), («Г.Р.Державин в новом тысячелетии», 2003) и («Державин и культура Казанского края», 2008), а также мероприятия по увековечению памяти Г.Р.Державина, проведённые в Республике Татарстан по Постановлению Кабинета Министров РТ «О мерах по увековечению памяти российского поэта и государственного деятеля Г.Р.Державина в связи с 260-летием со дня его рождения» (2000): была отреставрирована церковь Богоявления, восстановлены надгробия родителей Г.Р.Державина, в краеведческом музее г. Лаишева создана экспозиция «Река времён – жизнь Г.Р.Державина», открыт памятник Г.Р.Державину в г. Лаишеве (скульптор – М.М.Гасимов), в Казани в 2003 году по сохранившимся эскизам был воссоздан разрушенный в 1930-е годы памятник Г.Р.Державину (скульптор – М.М.Гасимов), который располагался в Лядском саду на одной из центральных улиц г. Казани. С 2000 года Министерство культуры РТ, Союз писателей РТ совместно с администрацией Лаишевского района учредили ежегодную Литературную премию имени Г.Р.Державина, которая торжественно вручается на Державинских чтениях в день рождения поэта (14 июля) в г. Лаишеве. Литературную премию имени Г.Р.Державина получили поэты, писатели, внёсшие большой вклад в развитие современной литературы и культуры Республики Татарстан: В.В.Корчагин, С.В.Мальшев, А.Х.Мушинский, Л.Р.Газизова, Л.А.Кожевников, Н.П.Алешков, В.Н.Лавришко, С.И.Юзеев, Н.Н.Беляев, О.Г.Левадная, Р.Р.Сабилов, Г.Н.Капранов, Р.А.Кутуй, Н.Н.Орешина, Ю.В.Конопляников (Москва). С 2010 года по совместному решению Литературного фонда России, Министерства культуры Республики Татарстан, Союза писателей Республики Татарстан, администрации Лаишевского муниципального района Республики Татарстан Литературная премия имени Г.Р.Державина получила статус всероссийской. Пропаганда творчества Г.Р.Державина и дальнейшему развитию многонациональной литературы России будет способствовать ежегодный Державинский фестиваль поэзии, который начиная с 2010 года предполагается проводить в Казани и Лаишеве.

Поэзия Г.Р.Державина привлекала и продолжает привлекать внимание поэтов. Произведения выдающегося поэта XVIII века присутствуют в стихотворениях современных поэтов в виде цитирования, реминисценций, аллюзий, намёков, интертекстуальных связей. Показательны в этом плане стихотворения казанских поэтов Н.Н.Беляева «Весенний, молодой, безумный ветерок...» и С.В.Мальшева «Под луной».

Н.Н.Беляев в стихотворении «Весенний, молодой, безумный ветерок...» воссоздаёт ведущий мотив стихотворения «Арфа» Г.Р.Державина – мотив памяти лирического героя [Как время... 2005: 61]. Поэт обращается к реминисценции стиха «*Как время катится в Казани золотое...*». Данный стих Г.Р.Державина представляет мифологизированное время, объединяющее одновременно прошлое, настоящее и будущее. Как отмечает Б.П.Иванюк, исследовавший стихотворение «Арфа», «опространствование времени, т.е. его чувственная презентация, осовременивает все грамматические времена, придаёт им единовременность, по сути, преобразует в единое мифологизированное время, столь

комфортное для человека» [Б.П.Иванюк 2008:111]. В стихотворении современного казанского поэта само стихотворение Г.Р.Державина становится своеобразным мерилom современности, той призмой, через которую воспринимает настоящее лирический герой. Стих Г.Р.Державина «*Как время катится в Казани золотое...*» позволяет соединить прошлое и настоящее. Н.Н.Беляев строит своё стихотворение на канве стихотворения Г.Р.Державина, обращённого возлюбленной. Если в стихотворении Г.Р.Державина звуки арфы навевают воспоминания о Казани, то в стихотворении современного поэта само место встречи возлюблённых – музей – призвано сохранять память, как материальную, так и духовную. Скромный интерьер музея, описанный нарочито просто, обыденно: «...*лапти и соха, / портрет какого-то насупленного графа, / и в уголке – державинская арфа...*» – оживляет в памяти лирического героя поэзию Г.Р.Державина и его время. Символический оттенок приобретает и эпитет «золотое» в словосочетании «золотое время», которое, по наблюдению Б.П.Иванюка, «ассоциируется с «абсолютным прошлым» (Гёте), с «золотым веком», на которое в контексте памяти-воображения и благодаря глаголу настоящего времени «*катится*», придающего идее кругового времени пространственный характер, экстраполируется на все времена» [Б.П.Иванюк 2008: 111].

За скупыми строчками стихотворения Н.Н.Беляева встаёт неповторимый образ времени, охарактеризованный эпитетами «*золотой*» и «*стертой позолоты*» в противопоставлении с предшествовавшими ей «*каменными, темными веками*». Н.Н.Беляев обыгрывает в стихотворении и ведущие темы творчества Г.Р.Державина, такие, как жизнь и смерть, тема поэта и поэзии. Образ державинской арфы с оборванными струнами одновременно свидетельствует о бренности времени и о неподвластности искусства воздействию времени: «*Но струны, видно, оборвала смерть, / иль времена, когда трясли устои. / Поглажу стертой позолоты след...*». Стихотворение звучит оптимистично, утверждая такие вечные ценности, как весна, молодость, любовь, искусство, которые закольцованы державинским: «*Как время катится в Казани золотое...*». Реминисценция державинского стихотворения позволяет Н.Н.Беляеву за внешне сдержанными строчками создать ощущение глубоких и искренних чувств лирического героя и его возлюбленной. Риторические вопросы: «*Куда спешить?*», «*Чего еще желать?*» и риторическое восклицание «*Не торопись, любимая, пустое!*» в сочетании со стихом Г.Р.Державина передают ощущение вечности, времени, соединяющего в себе прошлое, настоящее и будущее. Примером такого органичного ощущения вневременности и является стихотворение Н.Н.Беляева.

Образ времени обыгрывает и другой казанский поэт – С.В.Малышев в стихотворении «Под луной» [Как время... 2005: 282]. В стихотворении С.В.Малышева мифологизируется уже сам державинский стих. Лёгкости, ненадёжности Казани противопоставлена луна как символ вечности, характеризующейся сравнением «*как державинский стих*» и эпитетами «*тяжела и прекрасна*». Названные эпитеты одновременно относятся к луне и к поэзии Г.Р.Державина, что позволило поэту ёмко и кратко дать исчерпывающую поэтическую характеристику любимому поэту. Известная державинская строчка: «*Как время катится в Казани золотое...*» не цитируется, однако она присутствует в образе Казани, в которой «...*мгновенья легко переходят в века, / а века быстротечны...*».

Мотив времени в соединении с темой памятника воплощается и в стихотворении Л.Р.Газизовой «На открытие памятника Державину» [Как время... 2005:125]. Тема памятника поэту, как известно, введена в русскую поэзию Г.Р.Державиным, который вслед за одой Горация «К Мельпомене» и её первым русским переводом «Я знак бессмертия себе воздвигнул...» М.В.Ломоносова дал свой оригинальный вариант на эту тему: «*Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный; / Металлов тверже он и выше пирамид; / Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный, / И времени полет его не сокрушит*». Л.Р.Газизова в прозаическом эпиграфе к стихотворению напоминает драматическую историю казанского памятника нашему знаменитому земляку, соединив таким образом стихотворение Г.Р.Державина «Памятник» и современность. В стихотворении Л.Р.Газизовой ведётся диалог с поэтом XVIII века, в котором восстановление памятника подтверждают пророческие стихи Г.Р.Державина о вечности и неподвластности поэтического наследия никаким земным силам. Л.Р.Газизова начинает стихотворение излюбленным образом Г.Р.Державина – «*бездна*». Вспомним: «*Прогонишь – бледну зависть – в бездны...*» («Евгению. Жизнь Званская»), «*Скользим мы бездны на краю...*» («На смерть князя Мещерского»). Создав яркий, запоминающийся образ восставшего из огненной бездны памятника Г.Р.Державина, Л.Р.Газизова вновь утверждает вечность и нетленность поэзии, потому что в Казани восстановлен памятник не екатерининскому вельможе, а Поэту: «*В огненную бездну окунулся, / В ней помолодев на много лет, / Памятник Державину вернулся. / На Казань взирает вновь поэт*».

Лаконично соединяя прошлое и будущее, Л.Р.Газизова переходит к будущему памятника: «*Так давай условимся заранее: / Чтоб о месте встречи не гадать, / Будем у Державина свиданья / В сумерках друг*

другу назначать». В стихотворении два памятника: скульптура и поэзия, которые становятся взаимообусловленным, единым образом: «Любоваться обликом старинным, / Вспоминать цитатой иль стихом. / В нашу жизнь войдет несуетливо / Памятник Державину в Лядском». Образ памятника в стихотворении Л.Р.Газизовой снова актуализирует категорию времени, вслед за Г.Р.Державиным, объединяя прошлое («в бездну окунулся», «вернулся»), настоящее («взирает вновь поэт») и будущее («будем... свиданья назначать...», «в нашу жизнь... войдет несуетливо...»).

Таким образом, современные казанские поэты ведут диалог с Г.Р.Державиным, вписывая излюбленные мотивы его творчества в современный поэтический контекст.

Мероприятия по увековечению памяти Г.Р.Державина в Казани и Лаишеве привели к новому осмыслению личности и творчества Г.Р.Державина в контексте поликультурного пространства Республики Татарстан. Начиная с 2003 года народный поэт РТ Ренат Харис ежегодно на Державинских чтениях знакомит любителей поэзии с новыми переводами стихотворений Г.Р.Державина на татарский язык. Необходимо отметить тематическое разнообразие стихотворений, переведённых татарским поэтом, их актуальное звучание: «Властителям и судиям» (2003), «Птичка» (2003), «Шуточное желание» (2003), «Река времен в своем стремлень» (2003), «Тончию» (2004) и «Бог» (2005).

Г.Р.Державин в переложении 81 псалма выразил высокий гражданский пафос, социальный протест против злоупотребления верховной властью. В стихотворении «Властителям и судиям», обличая неправедных правителей, нарушающих законы, поэт-классицист напоминает им о скоротечности жизни, о высшем справедливом суде и призывает их честно выполнять законы. Р.Харис при переводе оды на татарский язык стремится максимально сохранить содержание и форму оригинала. Однако это не дословный перевод, он подбирает органичные для татарского языка метафоры и другие средства художественной выразительности. Стихи Г.Р.Державина на татарском языке звучат также ярко, убедительно: «Бурычыгыз сезнең: кануннарны саклау, / Көчлеләрнең кемлегенә карамыйча, / Ятимнәрне һәм толларны беркайчан да / Ярдәмсез һәм яклаучысыз калдырмыйча...». В отличие от поэта-классициста, Р.Харис достигает высокой, торжественной и в то же время гневной интонации не за счёт употребления высокой лексики, он сводит её к минимуму: «бәбәкләрен рившәт», «языклы». В татарском тексте, как и в оригинале, используются многочисленные риторические восклицания и вопросы, которые позволяют сохранить высокую и гневную интонацию. Во второй строфе, усиливая категоричность отрицания, Р.Харис добавляет слово «беркайчан да» (никогда), этому же служит перенос: «бурычыгыз сезнең: балалардан йолу / Гаепсезне, бәхетсезгә терәк булу...». В пятой строфе Р.Харис опустил слово «мнил», заменив его прямым обращением к правителям, утверждением их неограниченной власти. Хотя формально переводчик отступает от текста оригинала, но в целом строфа следует ведущей мысли Г.Р.Державина, противопоставившего абсолютную власть земных царей их смертности. Р.Харис сохраняет форму стихотворения: 7 четырёхстрочных строф.

Г.Р.Державин во многих стихотворениях размышляет о вечных философских проблемах: о смысле жизни, об отношении к смерти, о роли поэзии в жизни общества и др. Стихотворение «Река времен в своем стремлень...» пронизано грустью, пессимистическими размышлениями о скоротечности жизни и подверженностью всего земного разрушениям: «Вақыт дәрҗәсы үзенең ағымында / Алып китә инсан эшләрнең барын / Һәм батыра онытылу чоңгылында, / Патшалар, патшалыклар һәм халыкларны...». Переводчик и в данном случае старается максимально сохранить форму и содержание оригинала. У Державина: 8 строк, 1 строфа, четырёхстопный ямб, у Р.Хариса: 8 строк, 2 четырёхстрочные строфы. Вслед за оригиналом переводчик использует для создания торжественной интонации высокую лексику: «дәрҗәсы», «инсан», «чоңгылында». Однако Р.Харис изменяет порядок перечисления: у Г.Р.Державина: «народы, царства и царей», в татарском переводе: «патшалар, патшалыклар һәм халыкларны». В целом смысл строки не меняется, однако вносится нюанс: царства и цари погибают в первую очередь.

Метр стихотворения Г.Р.Державина – четырёхстопный ямб. Р.Харис переводит стихотворения русского поэта в соответствии с традиционной для татарской поэзии системой стихосложения – силлабическим стихом. Например, стихотворение «Река времен в своем стремлень...» Р.Харис переводит двенадцатисложными стихами (число ударений колеблется от 3 до 4), что, однако, не воспринимается как отступление от оригинала. Наоборот, примерное соответствие количества ударений тексту Г.Р.Державина сохраняет энергичное, торжественное звучание оды.

Поэзия Г.Р.Державина пронизана верой в человека, в его возможности. Поэт любил жизнь во всех её проявлениях. В его стихах отразилась могучая, живая, находящаяся в постоянном поиске душа. Он нам близок своим весельем и мудростью, благородством, верностью мечте о духовной свободе человека, поэзии, а также всепобеждающим оптимизмом и верой в будущее. Оптимистическое мироощущение Г.Р.Державина отразилось в анакреонтических, эпикурейских мотивах, которые постоянно присутствовали

в его поэзии.

Эта особенность творчества Г.Р.Державина проявилась и в стихотворении «Шуточное желание» из сборника «Анакреонтических песен» (1804), который поэт рассматривал как итог творческого пути. Г.Р.Державин, используя шуточную метафору, выражает желание стать веточкой, если прекрасные девушки превратятся в пташек. Р.Харис и в этом переводе сумел сохранить и передать настроение оригинала. Татарский поэт, используя выразительные возможности татарской поэтической речи, дополнил образ, созданный Г.Р.Державиным, метким эпитетом, тем самым обогатив его: «*мисле кошлар*», «*меңләгән кыз-кыркын*», «*жәйлы оя*».

В работах современных психолингвистов отмечается специфика трансформации текста оригинала в переводе: «интерпретатор текста считает, что расшифровывает именно авторский смысл, т.е. то, что уже заложено в тексте. А на самом деле он не восстанавливает, а строит свою собственную проекцию текста, более или менее схожую с авторской, но никогда полностью не совпадающую с ней» [Язык и этнос... 2002:194]. Эта мысль особенно актуальна, когда автора оригинала и переводчика отделяет более 200 лет, и они принадлежат к разным литературным направлениям, имеют различную национальную ментальность. В то же время, размышляя о причинах выбора для перевода стихотворений Г.Р.Державина, можно прийти к выводу, что они соответствуют творческому кредо Р.Хариса, а также духу нашего времени. Следует отметить бережное отношение переводчика к текстам оригинала, благодаря которому и в татарских переводах сохраняется своеобразие творческой манеры Г.Р.Державина.

Известно, что Г.Р.Державин счастливо совмещал в себе талант поэта и живописца, выражаясь его словами, «поэзия – это говорящая живопись». В связи с этим интересна ода «Тончию», в которой поэт даёт живописцу Сальватору Тончи советы по созданию своего портрета. В «Объяснениях» к своим стихам Г.Р.Державин выделил главные составляющие аллегорического автопортрета, данного в оде: «Сими стихами автор хотел изобразить первое: что он без всяких почти наук, одной природою стал поэтом; второе: что в службе своей имел препятствия, но характером своим без всякого покровительства их преодолевал» [Г.Р.Державин 1987: 434].

Аллегоричность и синтез нескольких концепций портретной риторики XVIII века в поэтическом портрете Г.Р.Державина и живописном Тончи на материале исторических и литературоведческих источников раскрыл В.В.Гаврин, отметив, что «исполненный сознания собственного значения, не слишком удовлетворённый службой сановник, чья поэтическая слава восходила в то время к самому зениту, захотел «примерить на себя» ампулу, в котором – в совершенном соответствии с идеологией просветительства – ещё более «зрелся человек», нежели в образе, задрапированном тогой» [В.В.Гаврин 2000: 54]. С этой целью, отмечает В.В.Гаврин, Державин «переключил регистр в портретном жанровом диапазоне и (...) сменил одну готовую «маску» («парик», «лысына») на другую («косматая шапка» просветителя). Но даже такой «внутрикультурный» жест оценивался современниками неоднозначно и – в духе времени – иронично-критически» [В.В.Гаврин 2000: 55].

Показательно, что татарский поэт обратился к переводу программного стихотворения «Тончию» (1801), в котором Г.Р.Державин утверждает превосходство звания философа, «человека» над вельможей: «*Потомков поздних удивляю; / В сединах лысиной сияю, / И в нем бы зрелся человек*». Р.Харис стремится точно передать форму и содержание оригинала. Во вступлении, вслед за Державиным, обращаясь к Тончи, он перечисляет античные имена, ассоциирующиеся с различными видами деятельности: Гомер, полководец Аристид, мудрый Сократ и принципиальный Катон. Однако в татарский перевод поэт включает оценочные эпитеты, отсутствующие в русском оригинале: «*Батыр Аристидны*» (храбрый), «*гакыллы Сократны*» (мудрый), «*кырыс Катонны*» (суровый), которые помогают создать точные, лаконичные характеристики античным образам и способствуют контекстуальной конкретизации. В третьей строфе, подчёркивая интонацию размышления, свойственную всему стихотворению, поэт-переводчик изменяет порядок слов в предложении: «...*Сурәтмне / Төрле сәер киемнәрдә ясап ал бер, / Белгәнәңчә...*» (У Державина: «*Пиши меня в уборах чудных, / Как знаешь ты...*»). Интересно контекстуальное звучание слова «сәер», которое используется для перевода слова «чудный»: поэт-переводчик актуализирует и другие звучания татарского слова: «загадочный», «чудный», «странный».

Р.Харис, творчески адаптируя русский текст к особенностям татарского языка, использует также и фразеологический оборот «эндәшми-нитми» (втихомолку, молча, ничего не сказав): «...*йомшаклыклар / Хас булсалар, син шуларны да эндәшми- / Нитми миндә чагылдырырга онытма*». (У Державина: «*А если слабости самим / И величайшим людям сродны, / Не позабудь во мне подобны, / Чтоб зависть улыбалась им*».)

Р.Харис в качестве переводчика од Г.Р.Державина демонстрирует виртуозное владение художественным словом, чуткость к лексическим и стилистическим особенностям текста-оригинала. Так,

для перевода словосочетания «жестокий мраз», он находит устаревшее слово «*зәмһәрир*», обозначающее сильные холода, трескучие морозы. Удачно найденное слово позволяет сохранить высокую одическую интонацию стихотворения. Аналогичный приём использует автор при переводе строчки: «*Против погод, волн, гор кремнистых...*» («*Жил-давыллар жиңеп, тауга менә барыйм*»). «*Жил-давыллар*» (ураганный ветер; в то же время переводчик опустил эпитет «*кремнистый*»). Деепричастие «*жиңеп*» (победив) усиливает порыв, силу лирического героя.

Путь Рената Хариса к переводу оды Г.Р.Державина «Бог» был длительным. В статье «Глубина мысли и поэтическое мастерство мурзы» («Морзаның фикер тирәнлеге, шигъри осталыгы»), предваряющей текст перевода, Р.Харис вспоминает, что прочитал впервые это стихотворение 45–46 лет назад, будучи студентом, и был поражён его глубиной и необъятностью. Поэт отмечает, что даже в нашем технологическом мире ода Г.Р.Державина звучит современно, актуально, не уступая в мастерстве произведениям современных поэтов [Р.Харис 2003:13].

Р.Харис признаётся, что долгое время мечтал перевести это стихотворение, брался за перевод, оставлял задуманное: не находились нужные слова, а найденные казались очень слабыми, не хотели складываться в соответствующую форму. Поэт пишет, что даже начал сомневаться в возможностях татарского языка. Так прошли годы... И только в дни празднования 260-летнего юбилея Г.Р.Державина поэт снова вернулся к переводу оды «Бог» и на одном дыхании сумел перевести его на татарский язык. Работа над переводом оды «Бог» убедила Рената Хариса в безграничных возможностях родного языка, богатстве его лексики, силе звучания, а также стала своеобразным квалификационным испытанием на поэтическое мастерство.

Г.Р.Державин прославляет высшее существо – Бога, понимаемого им в философском смысле, как начало начал. Державин в «Объяснениях» указал, что он подразумевал «три лица метафорические; то есть бесконечное пространство, непрерывную жизнь в движении веществ и нескончаемое течение времени, которое Бог в себе совмещает» [Г.Р.Державин 1864, I: 195]. Бог у Г.Р.Державина так же, как и у М.В.Ломоносова, является синонимом природы, которому имманентно присущи эти категории, – отмечает А.В.Западов [А.В.Западов 1958: 64]. В первой строфе, обращаясь к Богу, вслед за Г.Р.Державиным, Р.Харис представляет его бесконечность в пространстве, времени и движении. Перевод абстрактных понятий: «*пространство*», «*время*», «*движение*» – осложнён неоднозначностью их бытования в татарском языке. Татарский поэт передаёт не только понятие, но и впечатление от него: «*О ты, пространством бесконечный*» («*Йа Син – ирек-иркенлектә икsez-чикsez*»). Отметим, что в русско-татарском словаре «*пространство*» определяется как «*киңлек*», «*бушлык*» (пустота) [Русско-татарский словарь 1971: 574], или же представлен описательный вариант перевода философского понятия «*пространство*» – «*очсыз-кырыйсыз дөнья бушлыгы*» [Русско-татарский словарь 1971: 38], что в дословном переводе означает бескрайнюю мировую пустоту. Р.Харис отступает от предложенного лингвистами определения, так как «*пространство*» в оде Г.Р.Державина, и вслед за ним у Р.Хариса, не пустота, а свободное, бескрайнее, бесконечное движение материи: «*теченьем времени превечный*» («*вакыт агышында мәңге-бакый булган*»). Строка «*Живый в движенье вещества*» переводится на татарский язык почти дословно («*Матдәдәге хәрәкәттә жанлы-тере*»). Однако самую большую сложность в переводе первой строфы составил перевод имени Бога, потому что в христианстве и исламе сформировалось различное представление о нём. Как пишет Р.Харис, он долго сомневался в возможности перевода слова «*Бог*» словом «*Аллаһ*», даже склонялся к тому, чтобы, не переводя, ввести в стихотворение, ведь даже в представлениях об их существовании есть существенная разница: христианский Бог – триедин, а в исламе не имеет визуального изображения. Однако после долгих сомнений и раздумий поэт решил перевести на татарский язык и имя Бога, чтобы читатель воспринимал это стихотворение органично в контексте родного языка, литературы и культуры [Р.Харис 2006: 12]. Татарский поэт чутко уловил, что Бог у Г.Р.Державина, хотя и лишён визуального облика, но предстаёт в сиянии (это внутреннее сияние и отражённый свет Солнца): «*От света твоего рождены...*», «*Собою из себя сияя, / Ты свет, откуда свет истек*», «*Как искры сыплются, стремятся, / Так солнцы от тебя рождаются*», «*Светил возженных миллионы / В неизмеримости текут, / Твои они творят законы, / Лучи животворящи льют...*», «*...Но ты во мне сияешь... / (...) Во мне себя изображаешь, / Как солнце в малой капле вод...*».

Как известно, Солнце является символом неумирающей ясности, оно существовало, существует и будет существовать вне зависимости от зарождения и гибели той или другой цивилизации. Солнце – нечто вечное, не поддающееся воздействию извне, которое в то же время оказывало влияние на всё, что его окружает. Солнце – это и форма сообщения между духовным и материальным мирами, а также символ Христа, который, подобно небесному светилу, несёт духовный свет, согревая душу, помогая решать проблемы и наставления заблудших [Символы... 2003: 443–444]. Известно также, что световые образы неоплатонического учения об эманации являются неотъемлемой частью восточной «философии озарения».

Величие Бога подтверждается тем, что таких «Светил возженных миллионы» и свет их по сравнению со светом Бога, «как ночь пред днем». В татарском переводе Бог также представлен в солнечном свечении: «Уз нурыңнан үзәң нурдай балкып тордың, / Яктылыкка чиммә булып иң-иң элек», «Чәчри очкын, берсен берсе куа-куа, / Һәм кояшлар, шулай чәчрәп, Синнән туа...», «Миллионлаган якты әҗисем күк буйлап / Үлчәмсезлек агымында агып бара. / Алар Синең кануннарның хаклылыгын / Терек нурда коендыра һәм сугара...», «...Әмма миндә Син балкыйсың / Игелегең бөеклеге агылгандай...».

Показательно, что Г.Р.Державин в оде «Бог» следует своему представлению о поэзии как о «говорящей живописи», он стремится дать грандиозные картины мироздания: «Как искры сыплются, стремятся, / Так солнцы от тебя рождаются; / Как в мразный, ясный день зимой / Пылинки инея сверкают, / Вратятся, зыблются, сияют, / Так звезды в безднах над тобой...». Г.Р.Державин не только рисует завораживающие картины величия Вселенной, он, используя цветопись, раскрашивает их яркими красками: «Но огненны сии лампы, / Иль рдяных кри́сталей громады, / Иль волн златых кипящий сонм, / Или горящие эфиры, / Иль вкупе все светящи миры / Перед тобой – как ночь пред днем». Татарский поэт, в основном передавая содержание пятой строфы, вносит некоторые уточнения. Г.Р.Державин только даёт определения: «огненны лампы», «горящие эфиры», «светящи миры», Р.Харис конкретизирует абстрактные понятия, создавая зримые, осязаемые образы: «якты утлы... лампадалар» («ярко светящие лампы»), «ургып-дөрләп янган төнге эфир» («ургып» – стремительно, порывисто; бурлить, хлопотать; «дөрләп» – пылать, пламенеть (дословно можно перевести так: бурлит горящий ночной эфир)). «Светящи миры» в татарском тексте состоят из Вселенной и Земли («Яки якты нурга чумган бар галәм, Жир»).

Ода Г.Р.Державина изобилует риторическими вопросами, которые усиливают напряжённость размышлений о взаимосвязи Бога и человека: «Как капля, в море опущенна, / Вся твердь перед тобой сия. / Но что мной зримая вселенна? / И что перед тобою я?». Р.Харис сумел при переводе на татарский язык оды «Бог» сохранить это напряжение, выстроив свою цепь риторических вопросов: «Диңгезләргә тамган тамчы чаклы гына / Шушы каты катлам Синең алларыңда: / Һәм нәрсә ул мин күзәтә торган галәм? / Һәм мин узем нәрсә инде Син барында?». Вслед за М.В.Ломоносовым Г.Р.Державин ставит лирического героя своего стихотворения перед лицом бездны (вернее бездн), рядом сравнений доказывает ничтожность человека перед лицом Вселенной и Бога («Миры умножа миллионом / Стократ других миров, – и то, / Когда дерзну сравнить с тобою, / Лишь будет точкою одною; / А я перед тобой – ничто», «солнце и малая капля вод»), однако лирический герой Г.Р.Державина так же, как и у М.В.Ломоносова, не испытывает смятения, он уверен в силе коллективного разума, способного вобрать в себя грандиозность Бога, Вселенной, бездны. «Бездна» Г.Р.Державина познаваема, поэт верит в разумность построения мира, его бездна подчиняется разумным законам природы. Лирический герой Г.Р.Державина не противопоставляет себя бездне, он – частица её, поэтому она так же, как и он сам, является ещё одним доказательством существования Бога во всём блеске его величия: «Измерить океан глубокий, / Сочесть пески, лучи планет / Хотя и мог бы ум высокий, – / Тебе числа и меры нет! / (...) Лишь мысль к тебе взнестись дерзает, / В твоём величье исчезает, / Как в вечности прошедший миг».

Г.Р.Державин строит отношения человека и Бога на гносеологическом принципе: лирический герой, воспевая величие Бога, прежде всего доказывает его существование, потому что без Бога теряется смысл существования человека.

Таким образом, бережно относясь к содержанию и форме исходного текста, Р.Харис использует в переводах разнообразные средства татарского языка: он производит переводческие трансформации (перестановка порядка слов, замена татарскими фразеологизмами, добавление эпитетов). На наш взгляд, переводы од Г.Р.Державина органично вписываются и в творчество татарского поэта. Известно, что Р.Харис – поэт-новатор, поэт, активно разрабатывающий гражданскую тематику, синтезирующий в своём художественном мире талант художника и поэта. Всё это позволило татарскому поэту создать высокохудожественные переводы од Державина на татарский язык.

Безусловно, проблема перевода является одной из самых сложных проблем в литературоведении, поскольку нет однозначного ответа на вопрос о том, что лучше: точная передача семантической и лексической формы оригинала или же перевод, хорошо вписанный в литературный и культурный контекст языка перевода. В то же время следует признать, что татарские переводы произведений Г.Р.Державина вносят существенный вклад в развитие русско-татарских межлитературных связей. Хотелось бы выразить надежду, что татарские поэты будут активнее переводить стихотворения Г.Р.Державина, вводя его в контекст татарской литературы.

В Республике Татарстан ведётся систематическая активная работа по популяризации творчества Г.Р.Державина. Так, в 2010 году в результате активного сотрудничества Министерства культуры РТ во главе с министром культуры З.Р.Валеевой, Союза писателей РТ, возглавляемого поэтом

И.М.Ибрагимовым, с Литературным фондом России Литературная премия имени Г.Р.Державина приобрела статус всероссийской, а в день рождения Г.Р.Державина в Казани и Лаишеве будут проведены Международная научная конференция «Державин и диалектика культур» и Державинский фестиваль поэзии. Всё это позволит привлечь к наследию Г.Р.Державина внимание учёных, деятелей культуры, переводчиков, поэтов, активизируя творческий диалог выдающегося поэта XVIII века с современностью, актуализируя его творчество для современного читателя.

*Альфия Галимуллина,
доцент Татарского государственного
гуманитарно-педагогического университета,
кандидат педагогических наук*

Литература

Гаврин В.В. Концепции прижизненных изображений Г.Р.Державина (опыт реконструкции по историческим и литературным источникам)// История и филология : проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Материалы международной конференции (2–5 февраля 2000 г.). Петрозаводск : Изд-во Петрозав. гос. ун-та, 2000. С. 52–58.

Галимуллина А.Ф. «Звучи, о арфа! ты все о Казани мне!» (Казанская тропа к памятнику Г.Р.Державина) / А.Ф. Галимуллина // Русская словесность. М., 2006. № 3. С. 14–20.

Державин Г.Р. Сочинения. Л., 1987.

Державин Г.Р. Сочинения с объяснительными примечаниями Я.К.Грота. В 9 т. СПб. : Тип. Императорской Академии Наук, 1864–1883. Т. I, III.

Западов А.В. Мастерство Державина / А.В. Западов. М. : Советский писатель, 1958. 258 с.

Иванюк Б.П. Об одной рецепции державинского стиха «Отечества и дым нам сладок и приятен...»// Державин и культура Казанского края : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 265-летию со дня рождения Г.Р.Державина (г.Лаишево, 26–28 июня 2008 г.). Казань : КГУ, 2008. С. 108–119.

«Как время катится в Казани золотое...» : антология русской поэзии Казани. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 480 с.

Миннегулов Х.Ю. «Его гений думал по-татарски» (Размышления о Г.Р.Державине) // Фэнни язмалар – 2008 : фэнни мәкаләләр жыйнтыгы / фэн. мөх. И.А.Гыйләжев; төз. Ә.Ш.Юсупова. Казан : Ихлас, 2010. 167–176 б.

Русско-татарский словарь / под ред. Р.С.Газизова. Казань : Татар. кн. изд-во, 1971. 804 с.

Садретдинов Ш.А. Татарские стихи в архиве Державина // Г.Р.Державин : личность, творчество, современное восприятие. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 250-летию со дня рождения поэта (Казань, 26–29 мая 1993 г.). Казань : КГУ, 1993. С. 42–44.

Символы, знаки, эмблемы : энциклопедия / авт.-сост.: д-р ист. наук, проф. В.Э.Багдасарян, д-р ист. наук, проф. И.Б.Орлов, д-р ист. наук В.Л.Телицына. М. : Локид-Пресс, 2003. С. 443–444.

Харис Р. Аллах / Р.Харис // Мадани жомга. Казань, 2006. 28 апр. С. 12.

Харис Р. Переводы стихотворений Г.Р.Державина / Р.Харис // Мадани жомга. Казань, 2003. 11 июля. С. 14.

Язык и этнос на рубеже веков. Казань: Магариф, 2002. 208 с.

Лауреаты Литературной премии имени Г.Р.Державина 2000–2010

2000

Владимир Владимирович КОРЧАГИН (за книгу прозы «Подкидьш»)

2001

Сергей Владимирович МАЛЫШЕВ
(за сборник стихов «Обратный отсчёт»)

2002

Ахат Хаевич МУШИНСКИЙ
(за книгу прозы)

«Записки горбатого человека»
2003

Лилия Ривкатовна ГАЗИЗОВА
(за сборник стихов «Зимние арабески»)
2004

Лев Афанасьевич КОЖЕВНИКОВ
(за книгу прозы «Олимпия»)
2005

Николай Петрович АЛЕШКОВ
(за сборник стихов
«Сын Петра и Мариши»)
2006

Владимир Николаевич ЛАВРИШКО
(за сборник поэзии, прозы, эссе
«Слеза на лице»)
2006

Салават Ильдарович ЮЗЕЕВ
(за книгу прозы «Сквозняк тишины»)
2007

Николай Николаевич БЕЛЯЕВ
(за сборник стихов
«Помню. Слышу. Люблю»)
2007

Ольга Георгиевна ЛЕВАДНАЯ
(за сборник стихов
«Из крика птиц растут воспоминания»)
2008

Рустем Раисович САБИРОВ
(за книгу прозы «Беглец»)
2008

Геннадий Николаевич КАПРАНОВ,
посмертно (за сборник стихов
«Я чист как родниковая вода...»)
2009

Рустем Адельшевич КУТУЙ
(за сборник стихов «Профиль ветра»)
2010

Нонна Николаевна ОРЕШИНА
(за книгу прозы «Полёт души»)

Содержание

Началась эпоха Державина... *Лилия Газизова*

Арфа
 Разлука
 Сонет
 Пикники
 Кружка
 Правило жить
 На смерть князя Мещерского
 Ключ
 Властителям и судиям
 Фелица
 Видение мурзы
 Философы, пьяный и трезвый
 Водопад
 Бог
 Осень во время осады Очакова
 На взятие Измаила
 Скромность
 На птичку
 Амур и Псишея
 Храповицкому
 На смерть Екатерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня приключившуюся
 Ласточка
 Соловей
 Вельможа
 Богине здравия
 Приглашение к обеду
 Памятник
 Рождение красоты
 Желание
 Возвращение весны
 Дар
 К музе
 Параше
 К самому себе
 Венец бессмертия
 Русские девушки
 На переход Альпийских гор
 На смерть графа Александра Васильевича Суворова – Рымникского, князя Италийского, в С.-Петербурге
 Снегирь
 Тончию
 «Враги нам лучшие друзья..»
 Кузнечик
 Шуточное желание
 Свобода
 Зима
 Лебедь
 Цыганская пляска
 На Багратиона
 Облако
 Евгению. Жизнь Званская
 Признание
 Царь-девица
 Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества
 «Река времен в своем стремленьи..»

Переводы стихов Гавриила Державина на татарский язык
 (перевод Рената Хариса)

Арфа
 Хөкемдарларга һәм судьяларга
 Аллаһ
 Кошчыкка
 һәйкәл
 Лирага
 Тончига
 Шук теләк
 Аңлашу
 «Вақыт дәрәясы үзенең агымында..»
 Давыл
 Мәхәббәт игъланы

Всемилага

Поэтическое наследие Г.Р.Державина в контексте современной литературы Республики Татарстан. *Альфия Галимуллина*
.....

Литература

Лауреаты Литературной премии имени Г.Р.Державина 2000–2010.

Литературно-художественное издание

Державин Гавриил Романович

Стихотворения

Составитель **Газизова** Лилия Ривкатовна

Казань. Татарское книжное издательство. 2010

Редактор *Э.Р.Миннуллина*

Художник и художественный редактор *Р.Х.Хасанишин*

Техническое редактирование и компьютерная вёрстка *Ф.Р.Гисматуллиной*

Корректоры *Э.Р.Миннуллина, Г.Г.Гарифуллина*

Оригинал-макет подписан в печать 1.07.2010. Формат 60x108 $\frac{1}{16}$,

Усл. печ. л. 10,2. Тираж 1000 экз. Заказ О-897.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru>

e-mail: tki@tatkniga.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™.

Филиал ОАО «Татмедиа» полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».
420066. Казань, ул.Декабристов, 2.